

Доклад об Альянсе

1870, источник: [здесь](#). Перевод с французского Л. Гогелия.

Первой была следующая причина: {Речь идет как будет видно ниже, о причинах вызвавших враждебность Секций Фабрики и главарей комитетов по отношению к Секции Альянса.} наиболее влиятельные члены, вожаки или вожди Секций фабричных рабочих, относились к нашей пропаганде и нашей новой организации, одни равнодушно, другие даже с некоторой благосклонностью, пока они смотрели на Альянс как на некоторого рода академию, в которой должны были дебатироваться чисто теоретические вопросы. Но когда они увидели, что группа Альянса, не намереваясь терять попустому время на теоретические разговоры, поставила себе главной целью изучение принципов и организации Интернационала, в котором, по ее мнению, заключалась вся практика социализма; и в особенности, когда они увидели, что Альянс, оказывая совершенно исключительное влияние на строительных рабочих, старался дать им идею иной организации, чем они имели до сего времени, организации, всецело основанной на принципах Интернационала, проникнутой всецело его духом и неизбежно сделавшей бы их более проницательными и независимыми, во—первых по отношению к своим комитетам, которые все больше и больше начинали проявлять чрезмерную властность, затем по отношению к главарям фабрики, которые, не довольствуясь образованием внутри этой последней некоторого рода правительственной партии, упорно старались распространить свое господство на секции строительных рабочих, посредством комитетов этих секций, тогда они начали подозрительно относиться к столь законной и к тому же совершенно открытой деятельности группы Альянса.

Вся деятельность Альянса сводилась к следующему: он давал широким массам строительных рабочих способ определить и понять свои инстинкты, оформить их и выразить словами. В клубе {Международный Клуб, общий локал для всех Секций Интернационала.} и на общих собраниях Интернационала это стало невозможным, благодаря организованному преобладанию на всех этих собраниях рабочих Фабрики. Клуб мало по малу превратился в исключительно женевское учреждение, управляемое и администрируемое только женевами, и на строительных рабочих, большей частью иностранцев, смотрели в нем, как на иностранцев, и они сами стали смотреть на себя, как на таковых. Часто, слишком часто, женевские граждане из Фабричной Секции говорили им: "Мы здесь у себя дома, и вы только наши гости". Женевский дух, дух буржуазного радикализма чрезвычайно узкий, как мы знаем, окончательно восторжествовал в нем; не было больше места ни для идеи Интернационала ни для международного братства. Отсюда произошло то, что, мало по малу, строительные рабочие, которым надоело, это подчиненное положение, перестали совсем ходить в Клуб, который теперь стал, действительно, исключительно женевским учреждением.

На общих собраниях глубокое и серьезное обсуждение принципов Интернационала было невозможно. Прежде всего, в это время эти собрания были редки и созывались только по

поводу специальных вопросов, главным образом когда нужно было обсудить вопрос о стачке. Обе тенденции, которые разделяли тогда на два лагеря Женевский Интернационал, буржуазный социализм и радикализм, представляемые Фабрикой, и революционный социализм, поддерживаемый верным инстинктом строительных рабочих, разумеется, были представлены и боролись между собой на каждом общем собрании, и, нужно сказать, что чаще всего этот последний одерживал верх, благодаря большинству строительных рабочих, которых поддерживало небольшое меньшинство фабричных рабочих. Поэтому главари Фабрики всегда сильно недолюбливали общие собрания, которые иногда в один или два часа расстраивали их замыслы, подготовляемые ими целыми неделями при помощи различных интриг. Они старались, стало быть, всегда заменить общие, народные, открытые собрания тайными собраниями комитетов, которые им удалось совершенно подчинить себе.

На общих собраниях рабочая масса молчала. На трибуне появлялись всегда одни и те же ораторы обеих противоположных партий и повторяли более или менее стереотипные речи. Слегка задевались все вопросы, выдвигалась более или менее удачно их сентиментальная, драматическая сторона, но глубокий действительный смысл их оставался всегда нетронутым. Это был фейерверк, который вспыхивал иногда, но никогда никого не согревал, никому не светил, всегда погружая, наоборот, народ в еще более глубокую тьму.

Оставались заседания Центральной Секции, огромной секции в начале, в которой строительные рабочие, бывшие первыми основателями этой секции, были в одинаковом количестве с другими, если не в большинстве, и которая была чем то вроде народного собрания, организованного в секцию пропаганды. Эта секция в самом деле должна бы была стать тем, чем предполагала сделаться секция Алльянса, и если бы она действительно выполнила свою миссию, секция Алльянса не имела бы, разумеется, никакого права на существование.

Вы знаете, что Центральная Секция была первой и в начале единственной секцией, основоположенницей Интернационала в Женеве. Большую часть ее составляли строительные рабочие, без различия профессий; очень небольшое число фабричных рабочих примкнули к ней индивидуально; так что в продолжение очень долгого времени в ней господствовал инстинктивный социализм строительных рабочих. В ней замечалось большое единение; братство еще не сделалось в ней пустым словом; оно было действительностью. Чуждая политических расчетов и борьбы женевских граждан — радикалов и консерваторов, секция эта была воодушевлена действительно международным духом.

После крупной стачки строительных рабочих весной 1868 г., кончившейся блестящей победой, благодаря великодушной и энергичной поддержке фабричных рабочих, женевских граждан, эти последние массой вошли в Центральную Секцию и внесли туда, разумеется свой женевский буржуазно-радикальный политический дух.

Женевцы были сначала в меньшинстве в Центральной Секции; но они были организованы, тогда как строительные рабочие были совершенно неорганизованы. Кроме того, женевские рабочие привыкли выступать публично, имели опыт политической борьбы, привычка и опыт, которым строительные рабочие могли противопоставить только глубокую истину своих социалистических и революционных инстинктов. Последние, вдобавок, парализованы были в

борьбе признательностью, по отношению к рабочим гражданам женевской фабрики за решительную помощь, какую те оказали им во время их стачки.

Словом, на заседаниях Центральной Секции, которые устраивались, впрочем, один только раз в месяц, обе партии, как и на общих собраниях, уравнивали друг друга в продолжение некоторого времени. Потом, по мере того как образовывались цеховые секции, строительные рабочие, слишком бедные, чтобы платить два взноса, в свою цеховую секцию и в Центральную Секцию, мало по малу вышли из последней, и Центральная Секция стремилась явно стать тем, чем она стала вполне в настоящий момент: Секцией объединенных цехов фабричных рабочих, секцией, состоящей исключительно из женевских граждан. Это слишком хорошо видно по тому духу, который господствует в ней в настоящий момент.

Для серьезной пропаганды принципов Интернационала и взаимного ознакомления и столь необходимой группировки характеров и серьезных и честных желаний, строительным рабочим оставались только их цеховые секции. Но эти последние тоже собирались только один раз в месяц, и собирались они всегда только для ежемесячных денежных отчетов или для избирания комитетов. На этих собраниях не может быть места для обсуждения принципов; и, что еще хуже, мало по малу цеховые секции привыкли ограничивать свою роль и деятельность простым контролем расходов, оставляя все остальное на попечение комитетов, которые превратились в некоторого рода, постоянные и всемогущие учреждения; естественным результатом этого было прекращение всякого значения секций в пользу этих комитетов.

Комитеты, состоящие почти всегда из одних и тех же лиц, стали смотреть на себя, как на коллективные диктатуры Интернационала, решая все вопросы, за исключением денежных, не давая даже себе труда опрашивать свои секции; и так как заседания их происходили при закрытых дверях, то, объединившись между собою под доминирующим влиянием комитетов Фабрики, они образовали невидимое, тайное, почти безответственное правительство всего женевского Интернационала.

Деятельность этого правительства, которое, руководилось женевскими интересами, могла идти лишь вразрез с самой целью и со всеми принципами Интернационала.

Группа Альянса намеревалась бороться с этим положением вещей, которое должно было привести к тому,— мы это слишком хорошо видим теперь,— чтобы сделать из Интернационала политическое орудие буржуазного радикализма в Женеве. Для достижения этой цели группа Альянса никогда не прибегала к интригам, в чем женевские интриганы осмелились ее потом обвинять. Вся ее интрига состояла в самой большой известности и в публичном обсуждении принципов Интернационала, Собираясь раз в неделю, группа приглашала всех на эти дискуссии, стараясь заставить говорить именно тех, которые на общих собраниях и на заседаниях Центральной Секции всегда молчали. Было взято за правило, что на этих собраниях не будут произноситься речи, но будут происходить собеседования.

Все, члены группы и не члены, могли брать слово. Эти уравнилительные обычаи не нравились большинству рабочих Фабрики, так что, посещая вначале эти собрания в большом числе, они мало по малу перестали на них ходить; таким образом, фактически, секция Альянса сделалась секцией строительных рабочих всех цехов. Она дала им средство, разумеется к великому неудовольствию Фабрики, формулировать свою мысль и сказать свое слово. Она сделала больше того, она дала им средство узнать друг друга, так что в короткий промежуток времени секция Альянса представляла небольшую группу убежденных и "действительно объединенных между собою рабочих.

Вторая причина сначала недовольства, а потом ярко выраженной антипатии главарей Фабрики по отношению к Секции Альянса была следующая: Альянс в своей программе, а также и во всех дальнейших дополнениях к этой программе решительно высказывался против неестественного союза революционного социализма пролетариата с буржуазным радикализмом. Основным принципом его было уничтожение государства со всеми его последствиями, политическими и юридическими. Это совершенно не входило в расчеты господ буржуа — радикалов Женевы, которые, потерпевши фиаско на выборах в ноябре 1868 г., сейчас же задумали сделать из Интернационала орудие своей борьбы и победы; это не входило также в расчеты некоторых главарей женевской Фабрики, которые стремились ни больше ни меньше, как попасть в правительство при помощи Интернационала.

Таковы были две главные причины ненависти главарей женевской Фабрики к Секции Альянса. Но обе эти причины, также как и вызванная ими ненависть, проявились в полной силе только позднее, начиная с июня 1869 г.

Возвращаясь к тому, что было сказано мною выше, я перечислю вкратце те услуги, какие группа Альянса оказала делу социализма в продолжении зимы 1868—1869 г., как в Женеве, так и в других странах.

Начнем с других стран. Это члены Альянса основали первые секции Интернационала в двух больших странах, в которых это Сообщество было совершенно неизвестно до того времени: Гамбуцци — в Неаполе и его окрестностях, Фриша — в Сицилии, Фанелли — в Мадриде и Барселоне. Программа Альянса была принята в Лионе, Марселе, Париже. И заметьте, все эти товарищи, далеко не желая организовать секции, стоящие обособленно, враждебные или даже только чуждые Интернационалу, строго повиновались статутам Интернационала и, в интересах организации рабочих сил, они всюду наказывали, больше чем это требовали эти статуты, самое строгое подчинение новых секций центральному руководству Генерального Совета, заседающего в Лондоне.

Под прямым влиянием принципов Альянса, в Женеве было сказано первое откровенно социалистическое революционное слово. Я говорю об Адресе Женевского Центрального Комитета рабочим Испании, Адресе, отредактированном Перроном и подписанном Броссэ, председателем, и Перрэ, секретарем Центрального Комитета.

Под влиянием тех же принципов и тех же тенденций, несмотря на упорные интриги главарей женевской Фабрики, Броссэ, трибун строительных рабочих и ненавистный человек для Фабрики, был избран председателем Федерального Комитета, учрежденного на

романском съезде в Женеве в январе 1869 г., и большинство этого комитета состояло из рабочих не женеццев.

Под тем же влиянием было освящено название, установлена и принята программа новой газеты *Egalite*, {Равенство. Перев.} первого органа революционного социализма в романской Швейцарии, и позднее изменилась также программа газеты *Progres*, издававшейся в Локле.

Словом, можно сказать без всякого преувеличения, что Альянс, именно своей непосредственной деятельностью, выставил впервые откровенно революционно-социалистическую программу и вырыл пропасть между пролетариатом и буржуазией в Женеве, пропасть, которую никогда не удастся больше заполнить всем интриганам Интернационала.

Я должен сказать теперь несколько слов об официальном существовании Альянса.

Эта группа, которая уже в ноябре 1868 г. насчитывала в своей среде гораздо больше ста членов, не могла окончательно сконструироваться, до принятия ее, как ветви или как секции Интернационала, Генеральным Советом этого Сообщества. Об этом принятии должно было, разумеется, хлопотать Центральное Бюро Альянса {Временное "Центральное Бюро" Альянса Социальной Демократии должно было служить связью между группами этой международной организации и вести переписку с национальными бюро, которые должны были сконструироваться в различных странах. Члены основатели Альянса решили, что Центральное Бюро будет находиться в Женеве и состоять из семи членов, назначенных ими,— читатель увидит в тексте их имена. Эти семь членов все были в то же время членами Интернационала и делились по национальностям таким образом: три француза, один женец, один немец, один поляк и один русский. Дж. Г.}. Гражданину Ж. Филипу Беккеру, члену этого Бюро и личному и более или менее влиятельному другу членов Генерального Совета, было поручено единогласно другими Членами Бюро (Броссэ, Бакуниным, Перроном, Гета, Дювалем и секретарем Загорским) написать в Лондон. Он принял на себя эту миссию, уверенный, говорил он, в успехе и прибавив, что Генеральный Совет, который не имел права нам, отказать, несомненно поймет, после раз'яснений, которые он собирался ему дать, огромную пользу Альянса.

Мы положились, стало быть, все вполне на обещание и уверение Ф. Беккера, доверяя слову человека, которого мы все считали одним из ветеранов социализма. Мы знали его тогда очень мало; я совсем его не знал. Опыт не показал нам еще тогда, что этот человек, прежде всего дипломат, соединял в себе огромную силу слова с не менее большим непостоянством характера; что он всегда остается очень доволен, когда его друзья компрометируют себя, но очень остерегается компрометировать себя самого и что, толкая других вперед, он всегда оставляет для себя возможность отступления. Факт тот, что вопреки всем своим обещаниям, он ничего не написал в Лондон или написал совсем не то, что говорил нам. {Бакунин, вероятно, ошибается в своем предположении, что Беккер ничего не написал в Лондон или написал совсем не то, что говорил Центральному Бюро Альянса. Повидимому, Беккер в первое время действительно "увлекся" Альянсом; Маркс, в своем конфиденциальном *Mittheilung*, адресованном им в марте 1870 г. своим немецким друзьям (и которого Бакунин не знал), упрекает его в этом и говорит о нем, что он вначале был

одурачен Бакуниным; он пишет говоря о первых шагах Алльянса в Женеве: "Был выдвинут Ж.-Ф. Беккер, который, благодаря своему пропагандистскому рвению, иногда теряет голову". Дж. Г.}

В то время как имели место эти переговоры с Лондоном, или, полагалось, что имели место,— так как никто из нас никогда не читал переписки Беккера,— {*} другие члены этой группы, а именно Ш. Перрон и наш теперешний большой враг Анри Перре, взялись потребовать от женевского Центрального Комитета принять нас, как секцию, в женевскую федерацию. Не имея сейчас под рукой всех своих бумаг, я не могу сказать в точности, в каком месяце это первое требование было представлено Центральному Комитету, в ноябре или в декабре. Когда оно было представлено, Центральный Комитет не был в достаточном составе, до крайней мере две трети его членов отсутствовали. Не было ничего решено, или, скорее, решено было отложить это решение, подождав с'езда романских секций, который должен был состояться в Женеве в первых числах января для окончательного учреждения Федерации Романских Секций.

{* Бакунин сам также вступил в переговоры с Лондоном. Маркс, познакомившись с программой Алльянса, написал по этому поводу, во второй половине декабря, молодому русскому социалисту Александру Серно-Соловьевичу, в Женеву, указывая на неправильное выражение уравнение классов, которое употреблялось в программе. Серно сообщил письмо Маркса Бакунину, и тот сейчас же написал Марксу следующее письмо (по французски) которое, было напечатано в Neue Zeit от 6 октября 1900 г.

"Женева, 22 декабря 1868 г.

"Мой старый друг Серно сообщил мне ту часть твоего письма, которая касается меня. Ты спрашиваешь его, продолжаю ли я быть твоим другом. Больше, чем когда либо, дорогой Маркс, потому что лучше, чем когда либо, я понимаю теперь, насколько ты был прав, следуя и приглашая нас всех следовать по великому пути экономической революции и порицая тех из нас, которые уносились в область национальных или исключительно политических предприятий. Я делаю, теперь то, что ты начал делать больше двадцати лет тому назад. После моего торжественного и публичного прощанья с буржуа Бернского с'езда я не знаю больше другого общества, другой среды, кроме рабочих. Мое общество теперь Интернационал, одним из главных основателей которого являешься ты. Ты видишь, дорогой друг, что я твой ученик, и я горжусь этим.. Вот все, что необходимо было сказать, чтобы об'яснить тебе мои личные отношения и чувства".

Бакунин об'ясняется затем по поводу выражения уравнение классов и личностей; он сообщает, что высказал речи, произнесенные им в Берне, и говорит о своем расхождении с Герценом, которое началось с 1863 г., потом он продолжает:

"Посылаю тебе также программу Алльянса, который мы основали вместе с Беккером и многими итальянскими, польскими и французскими друзьями. На этот счет у нас будет многое, что сказать друг другу. Скоро я вышлю тебе копию большого письма, которое я пишу об этом другу Цезарю Де Папу...

"Кланяйся от меня Энгельсу, если он не умер во второй раз,— ты знаешь, что его уже раз похоронили. Прошу тебя дать ему один экземпляр моих речей, также Эккариусу и Юнгу.

"Преданный тебе "Бакунин.

"Прошу тебя передать привет г-же Маркс."}

И действительно, женевская группа Альянса возобновила в январе свое требование и ждала решения Центрального комитета, когда Центральное Бюро Альянса получило, сначала от своих итальянских друзей, а затем непосредственно следующий акт, {Этого акта нет в рукописи Бакунина, вместо него в скобках написано, оправдательный Документ No 5. (обозначение "No 5" показывает нам, что в первых утерянных страницах рукописи были уже ссылки на четыре других оправдательных документа). Документ этот был напечатан в Мемуаре Юрской Федерации, а также приведен Марксом в брошюре: Так называемый раскол в Интернационале, циркуляр Генерального Совета (5-го марта 1872 г.). Мы приводим его в тексте. Эти резолюции были "конфиденциально сообщены Центральным Советам (Интернационала) различных стран" (письмо Маркса Герману Юнгу от 28 декабря 1868 г.) Таким образом одна копия этих резолюций была послана в Неаполь Карлу Гамбуцци, 20 января 1869 г., Евгением Дюпоном, членом Лондонского Генерального Совета, который на брюссельском с'езде 1868 г. был представителем от рабочих организаций Неаполя. Эта копия и была сообщена из Неаполя Бакунину и была получена им раньше, чем решение Генерального Совета было официально об'явлено Центральному Бюро Альянса; она была найдена Максом Нетлау и напечатана им в Биографии Бакунина. Дж. Г.} содержащий резолюции Лондонского Генерального Совета, относительно Альянса (оправдательный Документ No 5):

"Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих Международному Альянсу Социальной Демократии.

"Около месяца тому назад несколько граждан составили в Женеве инициативный Комитет нового Международного Общества, называемого Международным Альянсом Социальной Демократии, избрав себе специальной миссией изучение политических и философских вопросов на основе великого принципа равенства" и т. д.

"Напечатанные программы и устав этого инициативного Комитета были сообщены Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих только 15 декабря 1868 г. По этим документам названный Альянс "всецело сливается с Интернационалом", в то время как он целиком основан вне этого сообщества. Рядом с Генеральным Советом Интернационала, избранным целым рядом следовавших один за другим с'ездами, в Женеве, Лозанне и Брюсселе, будет, по уставу инициативного Комитета, другой Генеральный Совет в Женеве, который сам назначил себя. Рядом с местными группами Интернационала будут местные группы Альянса, которые, через посредство своих национальных бюро, функционирующих вне национальных бюро Интернационала, "потребуют от Центрального Бюро Альянса принятия их в Интернационал". Центральный Комитет Альянса присваивает, таким образом, себе право принятия в Интернационал. Наконец, общие с'езды Международного Товарищества Рабочих будут сопровождаться общими с'ездами Альянса,

ибо, говорится в уставе инициативного Комитета, на ежегодных с'ездах рабочих делегация Международного Альянса Социальной Демократии, как ветвь Международного Товарищества Рабочих, "будет иметь свои открытые заседания в отдельном помещении."

"Принимая во внимание:

"Что присутствие второго Международного органа, функционирующего внутри и вне Международного Товарищества Рабочих, будет самым верным способом дезорганизовать его;

"Что всякая другая группа лиц, пребывающих в какой нибудь местности, будет иметь право подражать женеvской инициативной группе и, под более или менее благовидным предлогом, вводить в Международное Товарищество Рабочих другие Международные Сообщества с другими специальными миссиями;

"Что, таким образом, Международное Товарищество Рабочих сделается скоро игрушкой в руках интриганов всех национальностей и всяких партий;

"Что к тому же статуты Международного Товарищества Рабочих признают только местные отделения и национальные (см. параграфы I-й и VI статуты);

"Что секциям Международного Товарищества Рабочих запрещено вырабатывать себе статуты и административные правила, противные общим статутам и административным правилам Международного Товарищества Рабочих (см. параграф 12-й административных правил);

"Что статуты и административные правила Международного Товарищества Рабочих могут быть пересмотрены только общим с'ездом, на котором две трети присутствующих делегатов будут голосовать за этот пересмотр (см. параграф 13-й административных правил);

"Что вопрос был предreshен резолюциями против Лиги Мира, принятыми единогласно на общем с'езде в Брюсселе {Эти резолюции, впрочем вполне логичные, не были приняты единогласно: три делегата, Цезарь Де Пап, Шарль Перрон и Адольф Каталан, голосовали против; и другие делегаты, отсутствовавшие в момент голосования, далеко не думали, в тот момент, что существование Лиги Мира было лишне. Кроме того, члены второй парижской комиссии Интернационала, содержащиеся в тюрьме, приговоренные на три месяца, сочли нужным протестовать против "предложения распустить себя, с которым обратились к Лиге Мира члены Брюссельского с'езда", и послали членам Бернского с'езда адрес с протестом. Дж. Г.};

"Что в этих резолюциях с'езд заявляет, что Лига Мира не имела никакого права на существование, так как по последним декларациям ее цель и принципы ее были тождественны с целью и принципами Международного Товарищества Рабочих;

"Что некоторые члены инициативной группы, в качестве делегатов на брюссельском с'езде, голосовали за эти резолюции {Насколько я знаю, только один из тех, кто фигурирует среди членов "инициативной группы", голосовал за резолюцию брюссельского с'езда; это был Ж.-

Ф. Беккер. Но после того, как меньшинство делегатов бернского с'езда выступило из Лиги чтобы основать Альянс, Беккер нашел, что эта новая организация, примыкающая к Интернационалу, имела право на существование. Дж. Г.};

"Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих на своем заседании 22 декабря 1868 г. единогласно решил:

- "1. Все статьи устава Международного Альянса Социальной Демократии, трактующие об его отношениях к Международному Товариществу Рабочих, объявлены недействительными;
2. Международный Альянс Социальной Демократии не принят, как ветвь Международного Товарищества Рабочих.

"Генеральный секретарь В. Шоу, Председатель заседания Г. Оджер.

"Лондон, 22 декабря 1868 г."

Познакомившись с этим актом, мы были, разумеется, вынуждены взять обратно наше требование от Женевского Центрального Комитета. Исключенные Генеральным Советом, мы должны были сначала постараться заставить его принять нас.

Когда был прочтен этот акт в Бюро Альянса, никто так горячо не протестовал, как пылкий старик Ж.—Филипп Беккер. Он объявил нам прежде всего, что эти резолюции были совершенно незаконны, противоречили духу и букве статуты Интернационала, прибавив, что мы имели право и обязаны были не обращать внимания на этот акт, и обзывал Генеральный Совет дураками, которые, не умея сами ничего делать, хотели только помешать другим делать что нибудь.

Два члена, которые упорно поддерживали против него необходимость сговориться с Генеральным Советом, были Перрон и Бакунин. Оба они признавали, что протест Генерального Совета против устава Альянса был совершенно правилен, так как по этому уставу Альянс должен был образоваться внутри Международного Товарищества Рабочих новое международное сообщество, независимое от первого. {Уже в то время, когда члены меньшинства бернского с'езда выступили из Лиги Мира, Бакунин выразил то же самое мнение: "Французы и итальянцы... хотели, чтобы Альянс организовался совершенно независимо от Международного Товарищества Рабочих, довольствуясь тем, чтобы члены его индивидуально были членами этого Сообщества. Бакунин воспротивился этому по той причине, что эта новая международная организация оказалась бы в некотором роде соперницей, ничуть нежелательной, по отношению к организации рабочих. Эти споры кончились тем, что было решено основать сообщество под названием Международного Альянса Социальной Демократии и объявить его составной частью Интернационала, программа которого была признана обязательной для каждого члена Альянса" (Историческое развитие Интернационала, глава "Международный Союз революционных социалистов.") Так как Генеральный Совет Интернационала тем не менее нашел, что в том виде, в каком он сконструировался, с специальным центральным бюро и особой международной организацией, Альянс не мог входить в Международное Товарищество Рабочих, то нет ничего удивительного, что Бакунин, согласно своему желанию избегать

всего, что могло бы дать Альянсу видимость "соперницы, ничуть не желательной, организации рабочих", заявил, что нужно было изменить устав Альянса, согласно замечаниям Генерального Совета. Дж. Г.} Заметьте, что в этих резолюциях, единственно какие Генеральный Совет до сих пор признал и огласил против Альянса, он нападает только против устава. В них нет речи о программе, которая, впрочем, была полностью воспроизведена позднее в статутах Секции Альянса, единогласно одобренными Генеральным Советом.

После долгих дебатов единогласно было решено, что от имени всех Перрон войдет в сношения с лондонским Генеральным Советом.

После этого решения Ш. Перрон написал, не то гражданину Эккариусу, не то гражданину Юнгу, письмо, в котором, изложив откровенно положение и истинную цель Альянса и рассказав что члены Альянса уже сделали для рабочего дела в Италии, Франции, Испании, также как и в Женеве, он просил сделать, от имени центрального Бюро, лондонскому Генеральному Совету следующее предложение: Альянс распустит себя, как международную организацию, его центральное Бюро, являющееся представителем этой международной связи прекратит свое существование: захочет ли тогда Генеральный Совет признать секции, основанные членами Альянса в Швейцарии, Испании, Италии, и Франции, с программой Альянса, как регулярные секции Интернационала, сохраняющие отныне только общую программу, но отказывающиеся от всякой другой солидарности и международной организации, кроме тех, какие они найдут в великом Товариществе Рабочих? на этих условиях Бюро обещало употребить все усилия, чтобы убедить секции Альянса, уже учрежденные в различных странах, отказаться от того, что в их конструкции было противно статутам Интернационала. {*}

{* Черновик письма Перрона был найден в Женеве Максом Нетлау, который напечатал его в своей биографии Бакунина. Вот текст письма:

"Женева, 26 февраля 1869 г.

"Центральное Бюро Международного Альянса Социальной Демократии Генеральному Совету Международного Товарищества Рабочих.

"Граждане,

"Мы получили в свое время письмо, которое вы послали нам 28 декабря 1868 г.

"Мы не будем разбирать толкование, какое вы сочли нужными дать статутам, толкование, которое,— полагаем, ненамеренно,— ошибочно во многих пунктах. Приступим прямо к делу.

"Мы не ответили вам раньше, потому что мы должны были прежде узнать мнение наших национальных комитетов. Вот теперь наш ответ:

"Мы предложим всем нашим секциям распустить нашу организацию только после того как вы нам ответите:

"1) Противоречат ли, да или нет, принципы, изложенные в прилагаемой программе, принципам, которые могут быть приняты Международным Товариществом. Рабочих?

"2) Могут ли, да или нет, различные группы, которые распространяют эти принципы, присоединиться к Международному Товариществу Рабочих, если, разумеется, эти группы заявят, каждая в отдельности о принятии ими статута названного Товарищества?

"3) Будут ли, следовательно, да или нет, группы, образованные Альянсом, признаны, как секции Международного Товарищества Рабочих, в случае, если, посоветовавшись с нашими национальными комитетами и всеми секциями нашего международного Альянса Социальной Демократии, мы распустим его?

"Если на первый вопрос ваш ответ будет нет,

"Если на два другие вопроса ваш ответ будет да,

"Мы заявляем вам:

"Что во избежание деления рабочих сил, мы сделаем все усилия, чтобы получить согласие заинтересованных на то, чтобы распустить наш Альянс, который, однако, уже принес великолепные плоды в Швейцарии и Франции, в Испании и Италии, где Международное Товарищество Рабочих не могло еще как следует упрочиться и где радикальная программа, как наша, нам кажется более способной объединить вокруг себя широкие рабочие массы. И мы прибавляем, что мы надеемся, что шаги, какие мы примем в этом направлении, достигнут желаемых результатов.

"Но мы должны заявить вам также, что если против нашего ожидания, вы ответите нам утвердительно на первый вопрос и отрицательно на два другие, мы снимаем с себя ответственность за раскол, который ваша резолюция 22 декабря неизбежно вызовет, и мы оставим существовать наш Международный Альянс Социальной Демократии. Так как мы не можем пожертвовать своей программой, т. е. своими убеждениями, то у нас будет удовлетворение, что мы исполнили свой долг, предложив пожертвовать нашей организацией, чтобы скрепить снова союз рабочих, какие бы воззрения они ни разделяли.

"Итак, вам, граждане, мы предоставляем, стало быть, решить вопрос о нашем существовании, заявив может ли, по вашему мнению, Международное Товарищество Рабочих принять в свою среду группы, которые исповедуют и распространяют идеи, содержащиеся в нашей программе. Ввиду важности дела, мы надеемся, граждане, что вы не замедлите ответить нам и что ответ этот будет продиктован разумом, как наше настоящее письмо.

"Примите, граждане, наш братский привет.

"От имени Центрального Бюро Альянса Социальной Демократии.

"Генеральный Секретарь: Ш. Перрон.}

И действительно, не теряя времени, Центральное Бюро написало в этом смысле всем секциям Алльянса, советуя им признать справедливость резолюции Генерального Совета.

Замечу мимоходом, что это предложение Центрального Бюро встретило сильную оппозицию со стороны женевской группы и главным образом со стороны тех членов ее, которые борются против нас и клеветают на нас с таким остервенением в настоящий момент: Беккера, Гета, Дюваля, Перре и многих других, лица которых я прекрасно помню, но забыл их имена. Беккер был наиболее непримиримым. Он заявлял несколько раз, что только группа Алльянса была истинной представительницей Интернационала в Женеве и что Генеральный Совет, отказав нам, нарушил все свои обязанности, преступил все свои права и доказал только свою неизлечимую тупость. После Беккера, Гета и Дюваль, у которых всегда имеется в запасе маленькая стереотипная речь о революции, были наиболее яркими противниками. Перре проявил себя более осторожным, но он разделял их мнение. Наконец, было решено также женевской группой ждать окончательного ответа Генерального Совета.

Я не могу сказать в точности, сколько времени прошло между отправкой письма Перроном и получением ответа из Лондона. В продолжение этого времени Центральное Бюро, продолжая временно свою роль представителя международной связи Алльянса, собиралось регулярно раз в неделю у Бакунина. Так как оно было избрано временно на один год членами основателями международного Алльянса, не женевской группой, оно не должно было давать никакого отчета этой последней, и оно сообщало ей из своей переписки с группой Алльянса других стран только то, что могло быть предано гласности, не компрометируя никого. Эта осторожность была необходима особенно по отношению к Италии и Франции, где далеко не пользовались свободой и личной безопасностью, к которым привыкли в Женеве.

Вероятно, этот полу-секрет и заставил г. г. Дюваля и Гета вообразить, что они были членами тайного общества {На романском с'езде в Шо-де-Фоне 4 апреля 1870 г. Гета выразился следующим образом: "Гета заявляет, что он вышел из Алльянса, потому что внутри его существовали тайные общества, члены которых стремятся ни больше ни меньше, как к диктатуре. Он входил сам в эти тайные комитеты, также как и Анри Перре, Дюваль и другие члены федерального комитета; на потом он вышел оттуда и с ним вместе его коллеги... Он говорит, что женщины принятые в Алльянс, никогда не входили в тайные комитеты, потому что высший комитет не хотел этого и что когда обсуждался этот вопрос, Бакунин с братией употребляли грубые эпитеты, которые он не хочет повторять. Он берет в свидетели своих слов Дюваля." Анри Перрэ и Дюваль говорили также о тайном комитете: "Анри Перре рассказывает различные подробности о прежнем тайном комитете Алльянса... Дюваль говорит, что он продолжает входить в Алльянс; он признает, что женщины не принимались в комитеты; но он оспаривает правильность других утверждений Гета, Перре, и т. д." (Solidarite, No 1, 11 апреля 1870 г.) Дж. Г.}. Они ошиблись. Это были осторожные собрания, но не тайные. Мы обязаны были быть осторожными и сдержанными из внимания к людям, которые, ведя революционную пропаганду, рисковали, как в Италии, так и во Франции, быть посаженными в тюрьму; но не было никакой другой организации, кроме организации, установленной статутами Алльянса, статутами настолько мало тайными, что мы сами их опубликовали.

Я позволю себе здесь поставить дилемму: или г.г. Гета и Дюваль, которые так сильно оклеветали нас на с'езде в Шо-де Фоне, действительно имели глупость верить, что они состояли членами тайного общества, или же они утверждали это на с'езде только для того, чтобы причинить нам вред, не веря этому. В этом последнем случае они были клеветниками; а в первом случае кем? изменниками. Ни в какое тайное общество не вступают, не обещав торжественно хранить тайну. А тот, который выдает тайну, которую клялся или давал честное слово хранить, разве не называется изменником?

Мы настолько мало были тайным обществом, что не требовали ни от кого ни религиозной клятвы ни честного слова. Но между всеми нами подразумевалось, что никто не будет разглашать писем из заграницы, которые могут компрометировать наших друзей, ведущих пропаганду в других странах.

На одном из собраний Центрального Бюро у Бакунина обсуждался раз вопрос о допущении женщин в Бюро. Это предложение было сделано несколькими друзьями, членами основателями Альянса, очень преданными, но которые, не подозревая этого, делая предложение, действовали, как бессознательное орудие Утинской интриги. Кто знаком с образом действий этого еврейчика, знает, что одним из главных средств его деятельности являются женщины. При помощи женщин он проникает всюду, даже теперь, говорят, в лондонский Генеральный Совет. Посредством женщин он надеялся водрузить свой флажок, свое маленькое интриганское я внутри Альянса.

Это была одной из причин, по которым я решительно воспротивился допущению женщин в наше Бюро. Но я воспротивился этому также из принципа. Я так же, как и всякий другой, сторонник освобождения женщины и ее социального уравнивания с мужчиной; но из этого не следует, что нужно ковать этот женский вопрос везде, даже там, где его совсем нет. Смешнее всего то, что когда я сообщил об этом предложении Гета, тот закричал, удивленный и возмущенный, что он сейчас же выйдет из Бюро, в которое войдут женщины; и после этого он рассказывал на с'езде в Шо-де Фоне, в присутствии Дюваля, который был при нашем разговоре, что мы с Беккером говорили по поводу допущения женщин в Бюро такие неприличные вещи, что его чувства стыдливости было оскорблено.

Но оставим все эти дразги и вернемся к нашему повествованию.

Досадно, что я не мог еще найти в своих бумагах ответа из Лондона Перрону, так что я не могу точно установить его дату ни с уверенностью сказать, написан ли он был гражданином Эккариусом или гражданином Юнгом. Вероятно, первым: насколько я помню, Перрон обращался к Эккариусу. Вот в общих словах смысл этого ответа:

"Генеральный Совет, познакомившись с письмом Перрона, адресованным одному из его членов, от имени Центрального Бюро Альянса, заявляет: что он высказался против Альянса из за его устава, который претендовал превратить последний внутри Интернационала в организацию, независимую от Интернационала, но не из за программы, с которой он вполне согласен, за исключением одного пункта, уравнивание классов, так как Интернационал стремится к уничтожению классов; прибавляя, впрочем, что этот пункт, судя по духу всей программы был лишь опечаткой а не искажением принципа; что как только Альянс, как

международная организация, и вместе с ней Центральное Международное Бюро будут распущены, Генеральный Совет признает все секции Альянса с программой Альянса, как регулярные секции Интернационала {*}"

{* Текст решения, принятого Генеральным Советом на заседании 9 марта 1869 г., в ответ на письмо Перрона, был напечатан в брошюре (произведение Маркса) Так называемый раскол в Интернационале, тайный циркуляр Генерального Совета (5 марта 1872 г.) Вот этот текст:

"Генеральный Совет Центральному Бюро Международного Альянса Социальной Демократии

"На основании первой статьи наших статуты, Международное Товарищество, принимает все рабочие секции, стремящиеся к общей цели, а именно: взаимной помощи, прогрессу и полному освобождению рабочего класса.

"Так как секции рабочего класса в разных странах находятся в различных условиях развития, то отсюда необходимо следует, что их теоретические взгляды, которые являются отражением действительного пролетарского движения, также различны.

"Однако, общая линия поведения, установленная Международным Товариществом Рабочих, обмен мыслей, облегчаемый изданием органов различными национальными секциями, наконец, прения на общих с'ездах постепенно создадут общую теоретическую программу.

"Таким образом критическое обсуждение программы Альянса не входит в функции Генерального Совета. Мы не будем разбирать, является ли она полным выражением пролетарского движения. Мы должны только знать, не содержит ли она чего нибудь противного общей тенденции нашего сообщества, т. е. полному освобождению рабочего Класа. Есть одна фраза в вашей программе, которая с этой точки зрения ошибочна. Во 2-й статье мы читаем:"

"Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравниванию классов."

"Уравнивание классов, толкуемое буквально, сводится к гармонии капитала и труда, назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не уравнивание классов, — логическая бессмыслица, которую невозможно осуществить, а, наоборот, уничтожение классов, этот настоящий секрет пролетарского движения, составляет великую цель Международного Товарищества Рабочих. Однако, принимая во внимание текст, в котором находится эта фраза уравнивание классов, она повидимому, вкралась туда, как простая описка, Генеральный Совет не сомневается, что вы согласитесь вычеркнуть из вашей программы фразу, дающую повод к опасным недоразумениям. За исключением случаев когда высказываются идеи, противные общей тенденции нашего Сообщества, принцип его предоставить каждой секции свободно формулировать свою теоретическую программу.

"Не существует, стало быть, препятствий для превращения секций Альянса в секции Международного Товарищества Рабочих.

"Если распускание Альянса и вступление секции его в Интернационал будет окончательно решено, необходимо будет, согласно нашим статутам, уведомить Совет о местонахождении и численном составе каждой новой секции.

"(Заседание Генерального Совета 9 марта 1869 г.)"

Факсимиле черновика этого решения Генерального Совета, написанного по-французски рукой Маркса, было приведено в книжке Густава Иека *Die Internationale* (Лейпциг, 1904 г.) Есть небольшая разница между текстом черновика и окончательным текстом: вероятно, Юнг, секретарь для Швейцарии старался, впрочем неудачно, придать более французские обороты стилю учителя. Дж. Г.}

Как только Центральное Бюро Альянса получило этот ответ, оно объявило себя распущенным, получив, впрочем, полномочия на этот счет от секций других стран, также как и от Женевской группы, и сейчас же дало об этом знать всем секциям Альянса, предложив им сделаться регулярными секциями Интернационала, сохраняя свою программу, и добиться признания, как таковых, Лондонским Генеральным Советом.

Таким образом, г.г. Гета и Дюваль перестали быть членами этого ужасного тайного общества, которое так пагубно действовало на их бедное воображение. Тайное общество существовало только в их мозгу, но осторожное в своей деятельности Центральное Бюро действительно существовало до настоящего времени и перестало существовать, начиная с этого дня.

Так как Центральное Бюро Альянса перестало существовать, то наши официальные регулярные сношения с секциями, учрежденными Альянсом в различных странах, были прерваны, так что я могу вам сказать лишь в весьма общих чертах, что случилось потом с этими секциями. Неаполитанская секция Альянса, просуществовав несколько месяцев, была распущена, и большинство ее членов вступили индивидуально в Интернационал. Мадридская секция превратилась в секцию Интернационала, сохранив программу Альянса. То же самое было с секциями Альянса в Париже и Лионе.

Так умер добровольною смертью Международный Альянс Социальной Демократии. Желая прежде всего торжества великого дела пролетариата и считая Международное Товарищество Рабочих единственным средством достижения этой цели, он пожертвовал собой, не из чувства уступчивости, а из чувства братства и потому что он был убежден в совершенной правильности решений, которые огласил {Слово огласил неправильно, ибо не было дано оглашения резолюциям 22 декабря 1868 г. Дж. Г.} против него Лондонский Генеральный Совет в декабре 1868 г.

Альянс, о котором я буду говорить теперь, совершенно другой Альянс: это уже не международная организация, это отдельная местная Секция Женевского Альянса Социальной Демократии, признанная в июле 1869 г. Генеральным Советом, как регулярная секция Интернационала.

По внесенному коллективно предложению Перрона, Бакунина, Беккера, поддержанного некоторыми другими членами Женевской группы Альянса, последняя тоже подчинилась

решению лондонского Генерального Совета. Она единогласно решила превратить себя в регулярную секцию Интернационала. Первое, что она должна была сделать для этого, это выработать статуты, согласные во всех пунктах с статутами Международного Товарищества Рабочих. Составить их было поручено гражданину Бакунину. Было решено, что программа будет сохранена целиком, за исключением этой неудачной фразы во втором пункте: "Он (Альянс) стремится прежде всего к политическому, экономическому и социальному уравниванию классов и личностей", которая должна была быть заменена другой, более ясной: "Он стремится прежде всего к окончательному уничтожению классов и политическому, экономическому и социальному уравниванию личностей." Но устав нужно было переделать совершенно заново.

Секция Альянса, собираясь раз в неделю и всегда в очень большом числе, добросовестно и обстоятельно обсуждала в продолжение почти двух месяцев каждый пункт нового устава, предложенного Бакуниным. {Выдержки из протоколов женевской секции Альянса, приведенные Максом Нетлау в биографии Бакунина, показывают, что не надо понимать в буквальном смысле слова выражения, употребленные здесь Бакуниным. Обсуждение нового устава началось 17 апреля и было закончено 24 апреля. Однако, в мае и июне несколько раз ставился на обсуждение тот или другой пункт программы; и только 26 июня секция была составлена окончательно. Дж. Г.} В обсуждении принимали участие все, а не только несколько человек, привыкших говорить; и те, которые вначале молчали, были попрошены высказать свое мнение. Это обстоятельное и добросовестное обсуждение сильно способствовало прояснению идей и определению стремлений всех членов секции. Наконец, после этих затянувшихся дебатов, во второй половине июля 1869 г. новые статуты были приняты единогласно.

Я позволю себе привести здесь первые пункты нового устава. Это будет лучшим ответом нашим клеветникам, которые осмелились сказать, что мы хотели распустить Международное Товарищество Рабочих:

"Устав.

Секция Альянса Социальной Демократии в Женеве.

"Пункт первый.— Женевская группа Альянса Социальной Демократии, желая принадлежать исключительно великому Международному Товариществу Рабочих, составляет секцию Интернационала под именем Альянса Социальной Демократии, но не имеющую отдельные от Международного Товарищества Рабочих организацию, бюро, комитеты и с'езды.

"Пункт 2.— Эта секция имеет своей специальной миссией развитие принципов, содержащихся в ее программе, изучение средств, способных ускорить окончательное освобождение труда и рабочих, и пропаганду.

"Пункт 3.— Нельзя стать ее членом, не приняв искренно и полностью все ее принципы. Старые члены обязаны, а вновь вступающие должны обещать по мере своих сил вести вокруг себя самую деятельную пропаганду этих принципов, как примером, так и словом.

"Пункт 4.— Каждый член обязан знать общие статуты Международного Товарищества Рабочих и решения с'ездов, которые должны считаться обязательными для всех.

"Пункт 5.— Упорное и действительное проведение практической солидарности между рабочими всех ремесл, включая сюда, разумеется, и земледельцев, является главным залогом их близкого освобождения. Соблюдение этой солидарности в личных и общественных проявлениях рабочей жизни и в борьбе рабочих против буржуазного капитала должно считаться высшим долгом каждого члена Секции Альянса Социальной Демократии. Всякий, кто нарушит этот долг, будет немедленно исключен из секции. {Пункт 24-й признает три повода для исключения: 1) за подлый и недостойный поступок; 2) за явное нарушение программы и основных пунктов устава; 3) за измену рабочей солидарности. (Прим. Бакунина.)}

"Пункт 6.— Кроме великих вопросов окончательного и полного освобождения рабочих путем уничтожения наследственного права, политических государств и путем организации производства и собственности на коллективных началах, также как и другими путями, какие будут в дальнейшем указаны с'ездами, Секция Альянса будет изучать и стараться применять все временные средства или паллиативы, могущие облегчить, хотя бы отчасти, современное положение рабочих.

"Пункт 7.- Сильная организация Международного Товарищества Рабочих, единая и нераздельная, переступающая через все государственные границы и без всякого различия национальностей, не считающаяся с патриотизмом, интересами и политикой государств, является самым верным залогом и единственным средством для общего торжества во всех странах дела труда и рабочих. Убежденные в этой истине, все члены Альянса торжественно обязуются способствовать всеми силами усилению мощи и солидарности этой организации. Вследствие чего, они обязуются поддерживать во всех цехах, в какие они входят или в каких пользуются каким нибудь влиянием, резолюции с'ездов и власть Генерального Совета, также как власть Федерального Совета (романской Швейцарии) и женевского Ц ъентрального Комитета, поскольку эта власть установлена, определена и узаконена статутами". {Мы видим в этих словах настроение, побудившее Бакунина и часть делегатов "коллективистов" на Базельском с'езде потребовать усиления власти Генерального Совета. Д. Г.}

Пусть судят теперь, насколько обвинения наших врагов были смешны и гнусны!

На следующий же день после единогласного принятия новых статутів женевской секцией Альянса Перрон, секретарь этой секции, поспешил послать эти новые статуты в Лондонский Генеральный Совет, {Не надо искать в указаниях Бакунина точного хронологического порядка. Он писал через два года после того, как все эти события произошли, и у него не было под рукой протоколов Секции Альянса. Письмо Перрона написано 22 июня; собрание, на котором окончательно образовалась женевская Секция Альянса, происходило 26 июня; и уже на заседании Секции 12 июня Бакунин заявил, что устав будет послан в Лондон к 19 июня, чтобы потребовать принятия Секции в Интернационал (выдержки из протоколов, опубликованные Максом Нетлау). Дж. Г.} извещая его в то же время о том, что прежняя международная организация и центральное бюро Альянса окончательно распущены

{Четыре страницы рукописи пропали. Вероятно, они были сданы в оригинале наборщикам Записок Юрской Федерации. Но содержание этих четырех страниц напечатано, быть может немного в сжатом виде, в оправдательных документах (No VIII) Записок. Мы приводим его здесь оттуда. Дж. Г.} и прося признать новую женевскую секцию, как регулярную секцию Интернационала. Вот это письмо:

Женева, 22 июня 1869 г.

Секция Женевского Альянса Социальной Демократии Лондонскому Генеральному Совету.

Граждане!

Согласно тому, как было условлено между вашим Советом и Центральным Комитетом Альянса Социальной Демократии, мы представили на рассмотрение различным группам Альянса вопрос о распусчении последнего, как организации, отличной от организации Международного Товарищества Рабочих, сообщив им письма, какими обменялись по этому поводу Генеральный Совет и Центральный Комитет Альянса.

Мы с удовольствием извещаем вас, что громадное большинство групп согласно с мнением Центрального Комитета, высказавшегося за распусчение Международного Альянса Социальной Демократии.

Альянс ныне распущен.

Извещая об этом решении различные группы Альянса, мы пригласили их, следуя нашему примеру, составить секции Международного Товарищества и добиться признания, как таковых, вами или Федеральным Комитетом этого Товарищества в своих странах.

В подтверждение вашего письма, адресованного центральному экс-Комитету Альянса, мы просили вас, присылая вам статуты нашей секции, признать нас официально, как ветвь Международного Товарищества Рабочих.

Надеясь получить от вас скорый ответ, шлем вам свой братский привет.

От имени Секции Альянса Временный Секретарь Ш. Перрон.

В конце июля Перрон получил из Лондона следующий ответ:

Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих.

256, High Holborn, London, W. C. 28 июля 1869 г.

Секции Альянса Социальной Демократии в Женеве,

Граждане!

Имею честь сообщить вам, что ваши письма или заявления, а также программа {Заметьте, что за исключением одного изменения, указанного выше (касающегося слов уравнение классов), это целиком программа прежнего Альянса и что пункт 1-ый этой программы

начинается словами: Альянс заявляет себя атеистическим. (Прим. Бакунина).} и устав нами получены и что Генеральный Совет единогласно постановил принять вас, как секцию.

От имени Генерального Совета Генеральный Секретарь Ж—Г. Эккариус.

Сейчас же после получения этого письма Секция Альянса окончательно сконструировалась. Она избрала Комитет, который немедленно послал годовой взнос Секции в Лондон. {Здесь опять несколько хронологических ошибок. Секция Альянса окончательно сконструировалась 26 июня. Она избрала Комитет 1 мая. Комитет решил послать взнос в Лондон (10 фр. 40 сант. за 104 члена) на своем заседании 17 июня. И только на заседании секции 31 июля было прочитано письмо Эккариуса. Дж. Г.}

Вот другое письмо из Лондона, в котором сообщается о получении последнего:

Гражданину Генг, секретарю Секции Альянса Социальной Демократии, в Женеве.

Гражданин! Я получил ваше письмо и 10 фр. 40 сант., сумму взносов 104 членов за 68-69 г. Чтобы избежать в дальнейшем запозданий, как это случилось с этим письмом, адресуйте лучше ваши письма на мое имя... В надежде, что вы будете деятельно проводить в жизнь принципы нашего Товарищества, посылаю вам, гражданин Генг, а также всем друзьям свой братский привет.

Г. Юнг.

Секретарь при Генеральном Совете

25 августа 1869 г.

Вот, надеюсь, достаточные данные, чтобы доказать нашим наиболее упрямым противникам, если только они добросовестны, что женевская Секция Альянса Социальной Демократии, со своей анти-политической, анти-юридической и атеистической программой, была вполне регулярной секцией Международного Товарищества Рабочих и признана, как таковая, не только Генеральным Советом, но и Базельским с'ездом, на который, пользуясь своим правом, она послала в качестве делегата гражданина Гаспара Сэнтиньона, врача, делегата женевской Секции Альянса и Федерального Центра рабочих обществ Барцелоны. {По дороге в Базель Сэнтиньон остановился, проездом, в Женеве где был принят членом Женевской Секции Альянса. Протокол заседания Комитета 28 августа 1869 г. гласит: "Гражданин Сэнтиньон представлен Бакуниным и Робеном. Он принят единогласно всеми присутствующими членами. Решено созвать экстренное общее собрание на воскресенье 29 августа в 10 ч. утра для выбора делегата на Базельский с'езд". На следующий день экстренное общее собрание утверждает принятие Сэнтиньона в члены Секции, составляет мандат для делегата на Базельский С'езд, предписывая ему голосовать за "обобществление средств производства, уничтожение наследственного права, создание касс сопротивления по цехам и объединенных в федерации"; затем собрание единогласно избирает Сэнтиньона делегатом на С'езд. Дж. Г.}

Нужно было, стало быть, обладать цинической недобросовестностью господ Утина, Перрэ, Беккера, Дюваля, Гета и Ко, чтобы оспаривать за нашей секцией название и права регулярной секции Интернационала. Оставляя в стороне этого еврейчика, лживого и интригана по природе, прибавлю, что никто из этих господ не может даже притворяться, что он не знает дела, так как можно установить на основании протоколов Альянса и ссылаясь на десятки свидетелей, что Беккер и Дюваль читали письма Эккариуса и Юнга; что письма эти в августе 1869 г. были представлены в женевский кантональный Комитет и в сентябре, после Базельского с'езда, в федеральный Комитет романской Швейцарии, — а Перрэ и Гета состояли членами этого последнего; что эти два почтенных гражданина присутствовали, когда Дюваль и Фриц Генг, два другие члены этого Совета и в тоже время члены Секции Альянса, представили эти письма в Федеральный Комитет.

Что можно после этого сказать о честности этих людей, которые осмелились утверждать на своем предпоследнем федеральном с'езде в Женеве и затем на страницах своей газеты *Egalite*, "что они никогда не слыхали о том, чтобы Секция Альянса была признана Генеральным Советом, что они не знают этого и до сих пор и что они написали в Генеральный Совет, чтобы удостовериться на этот счет"!

После того как Секция Альянса была принята и признана Лондонским Генеральным Советом, как регулярная секция Интернационала, она поручила своему Комитету потребовать от центрального (кантонального) женевского Комитета принять ее в женевскую федерацию, {Это решение было принято до получения письма от Эккариуса. В протоколе комитета секции Альянса, от 17 июля, поставлен вопрос о вступлении секции в кантональную федерацию и об обращении с этой целью в кантональный комитет женевских секций; и 30 июля Бакунин прочел в комитете секции Альянса, проект письма в кантональный комитет, который был принят. Дж. Г.} собираясь сейчас же вслед за этим потребовать от федерального Комитета принять ее в романскую Федерацию.

На этот раз кантональный комитет уже окончательно подпавший под влияние главарей Фабрики, ответил категорическим отказом на одном из заседаний, {16 августа 1869 г.} на котором, как это обычно бывало, присутствовало лишь с дюжину членов, тогда как в комитет этот уже тогда входило больше шестидесяти членов. {Эта цифра шестьдесят членов, которая должна соответствовать тридцати секциям, преувеличена. Во время общего с'езда в Брюсселе, в сентябре 1868 г., в Женевском кантоне было двадцать четыре секции (из доклада делегата Гралья); во время основания романской федерации, в январе 1869 г., чисто женевских секций было двадцать три (из доклада романского федерального комитета на с'езде в Шо-де-Фоне, в апреле 1870 г., напечатанного в *Egalite* от 30 апреля 1870 г.); это число равнялось двадцати шести в октябре 1869 г. Наконец, в *Egalite* от 23 апреля 1870 г. упоминается в одном месте, что женевские секции, во время с'езда в Шо-до-Фоне, были в числе двадцати восьми. Дж. Г.}

Мы ждали этого отказа и обращались в кантональный комитет только для формы, чтобы не говорили, что мы отказываемся от солидарности с женевскими секциями; мы ждали этого, потому что мы знали об интригах и жалких клеветах, распространяемых уже тогда против нас некоторыми людьми, которые потом совершенно сбросили маску.

...{Здесь пропуск,— начало фразы в потерянных листках, о которых говорилось выше. Бакунин возвращается здесь к конфликту на почве принципов и тенденций, возникшему с 1868 г. между строительными рабочими и вожаками секций фабричных рабочих. Лицо, о котором говорится в этой фразе без начала, Броссэ.} строительные рабочие, что вызвало по отношению к нему зависть и ненависть вождей женевских фабричных секций, которые, исключив его из Клуба, употребили все свои усилия, чтобы исключить его из Интернационала. Серно—Соловьевич, о котором эти господа теперь говорят, проливая крокодиловы слезы, и который вне всякого сомнения был одним из наиболее преданных членов женевского Интернационала, был публично обозван ими русским шпионом. Наконец, Перрон, благодаря горячему, бескорыстному увлечению своими принципами, тогда еще, впрочем, не совсем определившимися, и в особенности благодаря своей глубокой личной привязанности к Серно-Соловьевичу, в защиту которого он всегда благородно выступал, навлек на себя также ненависть своих женевских сограждан.

Но в особенности в конце 1868 г., после Брюссельского съезда, когда он стал основателем и главным редактором газеты *Egalite*, он сделался козлом отпущения благонравного женевского общества. Он имел несчастье, разумеется против своей воли, задеть интересы и оскорбить чувство самолюбия свирепого типографа г. Кроссэ и навлечь на себя его ужасную ненависть. Г. Кроссэ сделался центром группы лиц, частью известных, но большей частью анонимных (г. Анри Перрэ и многие другие вожди Фабрики были в этой группе), которая распространяла всевозможные клеветы против Перрона. Я приобрел себе первых врагов в Интернационале, своей открытой защитой Перрона, с которым я тогда был в дружеских отношениях.

Помимо всех этих личных вопросов, одно название газеты *Egalite* {Равенство.}, подняло против нас целую бурю. Вспомните, что это было после Брюссельского съезда, который впервые поставил откровенно вопрос революционного социализма. Провозглашение принципа обобществления собственности, осуждение буржуазного социализма и явный разрыв с буржуазным радикализмом, выразившийся в отказе войти в сношения, с Лигой Мира и Свободы, все это сильно встревожило вождей женевской секции фабричных рабочих. Они боялись, что женевский Интернационал примет чересчур социалистическое, чересчур революционное направление, что он пустится в открытое море, где они чувствовали себя неспособными следовать за ним. Буржуазно, патриотически привязанные к цветущим берегам Женевского озера, они хотели не мировой Интернационал, но мнимый женевский Интернационал, невинный и филантропический социализм, ведущий прямо к надувательскому примирению с буржуазным социализмом их города. Они были напуганы этим ужасным словом Равенство, разрушавшим все эти патриотические мечты, все эти честолюбивые надежды, которые держались тем упорнее, что в них не смели сознаться.

Тогда произошло восхитительное объяснение: все эти великие граждане Женевы понимали, обожали равенство и если бы дело было только в них, они обеими руками голосовали бы за такое название. Но это слово, видите ли, не будет понято толпой, чернью Интернационала; оно может задеть аристократическую щекотливость строительных рабочих! Так, по крайней мере, говорил рупор этой клики, бедный портной Бери, парижанин, бывший икарыйский коммунист, человек полный чувства самоотверженности, но также полный желчи и скрытого тщеславия и который всегда имел несчастье, проповедуя теоретически самые

крайние принципы, голосовать на практике за самые реакционные резолюции. Поэтому он всю жизнь был любимым детищем и пророком женевской Фабрики.

Мы отвоевали все-таки название Egalite и позднее нам удалось создать редакционный комитет, громадное большинство которого показало открыто свою преданность принципам, содержащимся в этом слове. Эта борьба и, еще больше, выход один за другим целого ряда номеров газеты Egalite, которая с каждой неделей становилась все более социалистической и революционной, способствовали в огромной степени созданию далеко не дружественных, отношений между обеими партиями, которые делили между собой женевский Интернационал.

С одной стороны, сжатая и в совершенстве организованная фаланга секции фабричных рабочих со своим буржуазным радикализмом, со своими платоническими мечтами об узкой и привилегированной кооперации, со своими вождями, в тайне сердца желающими попасть в Государственный Совет {В Женеве члены Государственного Совета, т. е. кантонального правительства, непосредственно избираются народом.} с своим узким женевским патриотизмом, тщеславным и шумливым, явно стремящимся превратить Интернационал в женевское сообщество, в орудие для удовлетворения женевского честолюбия. С другой, порядком дезорганизованная масса строительных рабочих, богатых революционными инстинктами, социалистов, как по своему положению, так и по своим естественным стремлениям и всегда или почти всегда поддерживающих своими голосами истинные принципы революционного социализма.

В то время граждане Беккер, Гета, Дюваль голосовали еще вместе с нами; они еще не вкусили сочного плода от реакционной интриги. Но мы имели против себя граждан Гросселена, Вейермана, Вери, Гроссэ и многих других представителей Фабрики или рабочих других ремесел, привлеченных Фабрикой на свою сторону. Г. Анри Перрэ старался держаться всегда середины, голосуя всегда вместе с большинством, как Господь Бог Фридриха Великого, он всегда на стороне большого войска. Вообще, нужно заметить, что большинство членов как комитетов цеховых секций, даже строительных рабочих, так и центрального или кантонального комитета, голосовали вместе с реакцией, что было естественно, так как они входили в состав той господствующей олигархии и того тайного правительства, которое явно стремилось к обузданию масс, примыкающих к Интернационалу.

Наша тенденция была, впрочем вполне согласуясь с статутами романской федерации, сломить эту власть, этот рождающийся деспотизм комитетов, подчинив их по возможности выраженной на общих собраниях народной воле. Понятно, что наиболее честолюбивые члены этих комитетов не были нам благодарны за это. Несколько раз они осмелились даже утверждать, что комитетское собрание должно первенствовать над народным собранием. Нам не трудно было доказать, ссылаясь на статуты романской Федерации, что они ошибались, и массы, примыкающие к Интернационалу, поддержали нас против них.

В продолжение этого времени Секция Альянса, верная своей миссии, горячо занималась пропагандой. Она каждую субботу регулярно устраивала заседания. Разумеется, все сто четыре члена, насчитывавшиеся в ней с момента ее окончательного сконструирования, не присутствовали регулярно на каждом заседании, но всегда приходили регулярно двадцать,

тридцать членов, которые составили настоящее ядро Альянса. К сожалению, я должен сказать, что Перрон не был в числе их. Своенравный, неровный, капризный, он почему то не взлюбил Альянс и лишь изредка появлялся в нем. Его более или менее женевские инстинкты влекли его всегда в центральную Секцию, которая из широко международной секции, какой она была раньше, сделалась почти исключительно женевской секцией. Броссэ также редко бывал у нас. Председатель федерального Комитета, он не считал, вероятно, политичным открыто показывать себя сторонником секции, которая стала ненавистна могучей фракции Интернационала, с которой у него, как у политического деятеля, было обоюдное кокетничанье. Наконец, Гета, рекомендованный Перроном, ошибка Перрона, также нас оставил. С тех пор как он стал членом и вице-председателем Федерального Комитета, его почетное положение вскружило ему голову. Напуская на себя глупую важность, он стал совершенно смешным. Он перестал произносить свою обычную стереотипную речь о революции и на общих собраниях, также как и в Федеральном Комитете он голосовал только вместе с реакцией.

Наоборот, моя ошибка, пустомеля Дюваль, и наша общая с Перроном ошибка, непостоянный, неустойчивый патриарх Беккер, были усердными членами Альянса. Дюваль, который был также членом Федерального Комитета, передавал нам все, что говорили о нас братья Перра, притворяясь что ненавидел их, и Гета, делая вид, что презирал его. Через него, а также через другого члена Альянса, Фрица Генга, мы узнавали все, что говорилось о нашей секции в Федеральном, Комитете. Беккер не признавал больше ничего кроме Альянса; он многократно повторял, почти на каждом нашем заседании, что настоящий Интернационал больше не в Temple-Unque, {Здание, в котором собирался Интернационал.} а в маленькой секции Альянса. Анри Перрэ не показывался больше среди нас, и так как он не присутствовал в день окончательного сконструирования секции {26 июня 1869 г.} и не ответил на два или три посланные ему приглашения, то его вычеркнули из списка членов.

Альянс стал настоящей секцией друзей и, чего не существовало в Temple-Unque, все здесь говорили совершенно откровенно и с полным взаимным доверием. Здесь часто говорили, к большому скандалу Броссэ, о настоящем положении женевского Интернационала, о реакционном духе и превосходной организации Секции фабричных рабочих, о превосходном революционном духе и отвратительной организации строительных рабочих. Броссэ, как председатель Федерального Комитета, как дипломат, не хотел, чтобы касались этих жгучих вопросов, этих официальных и священных вещей. Самое большее, по его мнению, об этом позволено было говорить с глазу на глаз и шопотом, ибо нельзя не выказывать уважения к декоруму, к величественной фикции Интернационала.

Так рассуждают, и это понятно, все правительства и все правительственные люди. Так рассуждают также все сторонники дряхлых учреждений, которые они провозглашают священными, фикции которым поклоняются, не позволяя, чтобы к ним подступали слишком близко, потому что они боятся, что нескромный взгляд или смелое суждение раскроют и обнаружат их нищету и ненужность.

Таков общий дух, господствующий в женевском Интернационале. Когда говорят о нем, всегда лгут. Все или почти все говорят заведомо неправду. Какая то китайская церемония господствует во всех коллективных и личных отношениях. Считается, что вы существуете,

на самом деле вас нет; считается, что вы верите, на самом деле вы не верите; считается, что вы хотите, на самом деле вы не хотите. Фикция, официальность, ложь убили дух Интернационала в Женеве. Все это учреждение стало в конце концов ложью. Поэтому все эти господа Перрэ, Дюплекс, Гета, Дювали и Утины могли завладеть им так легко.

Интернационал не буржуазное и дряхлое учреждение, поддерживаемое только искусственными средствами. Он молод и полон будущности, он не должен, стало быть, бояться критики. Только правда, откровенность, смелость в суждениях и поступках и постоянный контроль над самим собой могут способствовать его процветанию. Так как он не является сообществом, которое должно быть организовано сверху вниз авторитарным путем, деспотическими мерами его комитетов, так как он может организоваться только снизу вверх народным путем, стихийным и свободным движением масс, необходимо, чтобы массы знали все, чтобы не было от них правительственных тайн, чтобы они никогда не принимали фикцию или видимость за действительность, чтобы они ясно представляли себе методы и цель своего движения и чтобы, прежде всего, они сознавали свое действительное положение. Поэтому все вопросы, касающиеся Интернационала, должны обсуждаться смело и открыто, и учреждения его, действительное состояние его организаций не должны быть правительственной тайной, а постоянным предметом, откровенного и гласного обсуждения.

Не странно ли в самом деле, что наши противники, которые действительно образовали в женевском Интернационале нечто вроде господствующей и тайной олигархии, тайное правительство, столь благоприятствующее всяким честолюбивым замыслам и всяким личным интригам, осмелились обвинять нас в тайных происках, нас, вся политика которых состояла в том, чтобы принудить их ставить все вопросы на общих собраниях, резолюции которых, по нашему мнению и согласно статутам романской Федерации, должны быть обязательны для всех комитетов женевского Интернационала?

Мы всегда призывали их к открытой борьбе, в которой, пренебрегая личными нападками и всякими личными интригами, мы боролись против них и почти всегда одерживали верх исключительно на почве принципов. Напротив, как подобает правительственной партии, они вели против нас закулисную борьбу, полную интриг и клеветы.

Эти дискуссии, происходившие в Секции Альянса, на которых почти всегда присутствовало, в качестве активных посетителей, много строительных рабочих, не состоявших членами, а приводимых друзьями, членами Секции, оказали большое влияние на направление строительных рабочих к великой досаде вождей реакционной клики женевского Интернационала.

Пропасть, становившаяся с каждым днем все шире между партией Революции и партией Реакции, еще увеличилась с середины июня 1869 г., когда Перрон, вынужденный благодаря своим личным делам, оставить на некоторое время редакцию газеты *Egalité*, передал ее в руки Бакунина. Последний воспользовался этим, чтобы широко развить во всей их истине и чистоте, и со всеми их логическими последствиями и их практическим применением принципы Интернационала. Он начал свое редактирование с открытого выступления против иезутизма Иисуса Христа Шо-де-Фона, Куллери, который, отличаясь в этом отношении от женевских реакционеров Интернационала, хотел превратить Интернационал в орудие

аристократической и поповской реакции, тогда как его союзники, друзьями защитники в Женеве, Перрэ, Гросселен и компания, довольствовались лишь тем, что делали из него орудие буржуазного радикализма. Бакунин разоблачил тех и других, боролся против них и старался раскрыть глаза пролетариату на непроходимую пропасть, разделяющую отныне его дело от дела буржуазии всех цветов.

Такая постановка вопроса не входила совершенно в расчеты честолюбивых вождей женевской секции фабричных рабочих. Это было как раз в то время, когда женевская радикальная партия делала невероятные усилия, чтобы сблизиться с Интернационалом и забрать его в свои руки. Многие бывшие члены, признанные агенты радикальной партии, и которые, как таковые, отошли от Интернационала, вновь вступили в него. Это делалось, так сказать, открыто, — до такой степени граждане-радикалы из Интернационала были уверены в успехе. Мы открыто вели борьбу против них в газете, на заседаниях Альянса, а также и на общих собраниях.

Все это неизбежно должно было усилить ненависть главарей Фабрики против нас. С другой стороны, ярко социалистические и революционные принципы, которые газета *Egalite* проповедывала без всякой церемонии, не могли служить, их интересам, были диаметрально противоположны их цели — уничтожение государств, патриотических и политических границ, уничтожение наследственного права, организация коллективной собственности и коллективного труда снизу вверх, путем свободы,— все это не могло служить мостом для объединения в одну партию буржуа-радикалов с буржуа из женевского Интернационала. Вся радикальная партия Женевы, господа Фази, Вотье, Картерэ, Камбесседес были, следовательно, страшно озлоблены против нас, и так как они оказывали в то время прямое влияние на главарей Фабрики в Интернационале, на Гроссэленов, Вейерманов, Перрэ и многих других, то они сильно способствовали возбуждению, усилению, организации их ненависти и их преследований, направленных против нас.

Комитеты секции фабричных рабочих являлись в Федеральный Комитет с протестом против редакции *Egalite*, от имени своих секций, чаще всего без их ведома. Пока Броссэ оставался председателем Федерального Комитета, эти интриги не удавались. Но систематическими придирками, на которые он, слишком щекотливый, не ответил презрением, как это следовало бы сделать, принудили его оставить председательское место. {Броссэ, которому надоело до тошноты все эти интриги, подал, заявление о своем отказе от председательского звания в августе 1869 г.} Его место занял Гета, и федеральный комитет окончательно перешел на сторону реакции. К счастью, один из пунктов статута романской федерации, охраняя редакционный комитет, делал его в некотором роде независимым от произвола Федерального Комитета. {Этот пункт (п. 52) гласил: "С'езд (романский) будет устанавливать каждый год программу и цену газеты". Но в другом пункте (п. 42), касающемся прав и обязанностей Федерального Комитета, говорилось: "Газета Товарищества будет выходить под его нравственной ответственностью". Дж. Г.}

Итак, стало быть, в женевском Интернационале происходила война: с одной стороны, были фабричные рабочие, умело дисциплинированные, слепые и идущие за своими вождями; с другой, масса строительных рабочих, просвещаемая газетой *Egalite* и мало по малу организующаяся под влиянием Альянса. Посредине были секции промежуточных цехов:

сапожники, портные, типографы и т. д., комитеты которых, правда, в большинстве принадлежали реакции, но симпатии народа, рядовых были больше на стороне революции.

Решительный бой стал неизбежен. Он произошел во вторую половину августа месяца при выборах делегатов на Базельский с'езд. {*}

{* Внизу этой странички Бакунин написал следующие строки, адресованные тем кто должен был читать его рукопись:

"Конец пришло немедленно.— Я не знаю, что вы найдете нужным сделать с этой рукописью. Другого доклада я не буду делать, кроме этого, который не может быть напечатан в его настоящей форме, но который содержит в себе достаточные подробности, чтобы раз'яснить все дело и снабдить вас всем необходимым материалом для составления более сжатой и более короткой записки. Я вас очень прошу, дорогие друзья, не потерять рукопись и вернуть мне ее в целости, сделав с ней то, что вы найдете нужным.}

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ БОРЬБА.

Это был достопримечательный бой, который следовало бы описать более красноречивому историку, чем я. Я расскажу лишь главные его фазисы.

Среди пяти вопросов, поставленных Генеральным Советом в программу с'езда, который должен был состояться в сентябре 1869 г. в Базеле, были главным образом два, которые касались по существу социального вопроса: упразднение наследственного права и организация коллективной собственности, два вопроса, которые всегда приводили в очень дурное настроение корифеев, вожakov женевской Фабрики. Они уже обнаружили чрезвычайное недовольство, что последний из этих вопросов обсуждался на брюссельском с'езде: "это утопия, говорили они, мы должны заниматься практическими вопросами".

Они решили, следовательно, на этот раз вычеркнуть эти два вопроса из программы Базельского с'езда. Они считали это необходимым не только потому, что таково было их внутреннее желание, но и ввиду своего политического положения. Они окончательно сговорились и заключили союз с женевской радикальной буржуазией. Велась деятельная агитация среди всех чисто женевских секций, т. е. среди рабочих-граждан фабричного труда, чтобы объединить их вокруг радикального знамени при будущих выборах, которые должны были состояться в ноябре. Но для того, чтобы союз между буржуазией и рабочими-гражданами был возможен, необходимо было, чтобы эти последние вычеркнули из своей программы все, что могло противоречить основным принципам буржуа-радикалов Женевы, все щекотливые вопросы. Больше всего, разумеется, вызывали ненависть и порицание эти два предложения, губительные для существующего общественного строя: уничтожение наследственного права и организация коллективной собственности.

Тактика женевской клики, которая руководила всей деятельностью Центрального (кантонального) Комитета, вдохновляла все его поступки и которая при его посредстве определяла программу каждого общего собрания, эта тактика была очень простая. На общих собраниях назначали комиссии, которые должны были приготовить к с'езду доклады по всем другим вопросам, и забыли назначить такие же комиссии для составления докладов

по этим двум жгучим вопросам. Если бы это так и осталось, то произошло бы следующее: пришло бы время с'езда, а доклады по этим двум вопросам не были бы подготовлены и, следовательно, они были бы фактически вычеркнуты из программы.

Мы расстроили этот план, напомнив на одном из народных собраний, что было еще два вопроса, о которых Центральный Комитет, повидимому, забыл и что необходимо было немедленно назначить две комиссии для изучения их и для представления во-время докладов по ним. Тогда разразилась буря; все крупные ораторы Секции фабричных рабочих и их союзники реакционеры, во главе с Гросселеном: Вейерман, Кроссэ, Вери, Патрю, типографы из партии Кроссэ, Дюплекс, отец Рэймонд (слепой, сен-симонист, Иисус Христос женевского Интернационала), женевский каменщик Пайяр, умный человек и большой спорщик, личный враг Робена, Гета и многие другие выходили по очереди на трибуну и заявляли, что было скандально, бесполезная трата времени, вредно предлагать подобные вопросы рабочим, что нужно заниматься практическими и существенными вопросами, напр., буржуазной кооперацией и т. д. и т. д. Мы отвечали им. Они были побиты. Общее собрание (Temple-Unique был полон, и строительные рабочие, заботливо созванные нашими "союзниками" накануне. присутствовали в большом количестве) решило громадным большинством голосов назначить сейчас же комиссию для изучения двух неприятных вопросов: Бакунин был избран в комиссию для доставления доклада по вопросу о наследственном праве, Робен — в комиссию по вопросу о коллективной собственности.

На следующем общем собрании должны были решить другой вопрос. На основании общих статуты каждая секция имела право посылать одного делегата на с'езд. Но женевский Интернационал мог послать больше тридцати делегатов. {Как уже было сказано выше, Бакунин преувеличивает число секций, существовавших тогда в Женеве. Дж. Г.} Это обошлось, бы слишком дорого; ввиду этого, уже в прошлом году все секции женевского Интернационала соединились вместе, чтобы послать в Брюссель сообща, разделив между собой расходы, четырех делегатов. В этот раз, так как число секций значительно увеличилось, хотели послать пять делегатов. Совместная посылка делегатов была, конечно, очень удобна для секций строительных рабочих, так как эти секции были гораздо беднее секций фабричных рабочих. Последние, вдохновляемые и направляемые своими вождями, воспользовались этим обстоятельством и выставили своих ораторов, которые от имени всех своих товарищей, заявили на трибуне, что секции фабричных рабочих согласятся послать коллективно делегатов лишь при условии, чтобы из программы с'езда были вычеркнуты оба вопроса, о наследстве и собственности. Это было сигналом к второй буре.

Мы потребовали слово, чтобы об'яснить строительным рабочим, что их оскорбляли, делая им такое предложение, покушались на свободу их совести, на их право; что лучше, если они пошлют только одного делегата, или совсем не посылать делегатов, чем послать пять или больше на условиях, которые им будут навязывать от имени секций фабричных рабочих и которые они не смогут принять. Тогда ораторы реакции опять поднялись на трибуну и запели вечную песню о единении, столь необходимом, чтобы составить силу рабочего класса; они напомнили строительным рабочим о вечной признательности, какую они должны были иметь по отношению к женевским гражданам Фабрики за поддержку, оказанную им последними во время их стачки весной. Они предостерегали их в особенности против некоторых "иностранцев", которые сеяли распри в Интернационале. На это

"иностранцы" — Броссэ, Робен, Бакунин и другие — ответили, что в Интернационале не могло быть иностранцев; что благодарность и единение, разумеется, очень хорошие вещи, но что они не должны, вести к порабощению и что лучше отделиться, чем стать рабами. В этот раз победа опять была за нами. Громадное большинство высказалось за оставление в программе обоих вопросов за назначение комиссии для составления по ним докладов.

Два или три дня спустя, было частное собрание всех секций фабричных рабочих в Temple-Unique. Г-н Гросселен превзошел себя в красноречии, не встречая никакой оппозиции. Он произнес трескучую речь против Броссэ, Робена, Бакунина, прозрачно намекая на них, клеймя их, как нарушителей мира, единения, общественного порядка в женевском Интернационале. "Им нечего у нас делать, этим иностранцам!" говорил он, увлекаясь до такой степени, что забыл, что говорил не на каком-нибудь собрании женевских граждан, а среди женевских рабочих, членов Интернационала, который не знает гражданской узости патриотизма и отечества. Кроссэ и Вери прибавили, один ругань, другой свою желчь к красноречию Гросселена, будущего государственного мужа Женевы.

Наконец, собравшиеся секции решили отделиться и назначили одного делегата, Анри Перрэ, секретаря Федерального Комитета, с императивным мандатом воздержаться от голосования по двум вопросам, отвергнутым Фабрикой. Они не назначили в качестве второго делегата Гросселена, во-первых из чувства экономии, во-вторых, они надеялись, что его назначат строительные рабочие. Союзники, друзья Фабрики, Кроссэ, Вери, оба брата Пайяр, Гета, Ротсетти, Патрю долго обрабатывали строительных рабочих с этой целью.

Раскол, следовательно, стал совершившимся фактом. Фабрика посылала только одного делегата. Строительные рабочие, соединившись с портными и сапожниками, решили послать трех делегатов: назначены были Генг, Броссэ и Гросселен. {*

{* Бакунин ошибался, говоря, что Генг, Броссэ и Гросселен были делегатами от строительных рабочих, портных и сапожников: они были делегатами от всей женевской федерации. После того как секции фабричных рабочих решили назначить своим представителем специального делегата, Анри Перрэ, общее собрание 17 августа решило послать коллективную делегацию, состоящую из трех членов, избранную всеми секциями. В Egalite от 21 августа имеется следующая статья по этому поводу:

"17 августа было общее собрание всех женевских секций. Было решено послать в Базель трех делегатов от имени всех женевских секций французского языка. Каждый член или каждая группа могут представить кандидатов, которые будут внесены в список. Голосование будет тайное, каждый член должен написать на своем бюллетене три имени. Для получения права голоса нужно, представить свою членскую карточку, удостоверяющую о соблюдении всех обязательств по отношению к своей секции. Голосование будет производиться:

"В субботу 21 августа, с 8 до 10 ч. вечера;

"В воскресенье 22 августа с 8 ч. утра до 4 ч. вечера;

"В понедельник 23 августа с 8 ч. до 10 ч. вечера."

На Базельском с'езде Ренг, Броссэ и Гросселен были приняты, как "делегаты женевских международных секций," Анри Перрэ, как "делегат женевских секций фабричных рабочих, часовщиков, ювелиров, и рабочих по изготовлению музыкальных инструментов".}

Тем временем, Робен и Бакунин приготовили доклады, один об организации коллективной собственности, другой об упразднении наследственного права, оба доклада, разумеется, в самом утвердительном смысле. Их заключения были приняты почти единогласно.

Комиссия, на которую возложено было представить доклад по вопросу о всестороннем образовании, также сделала свой доклад. Здесь произошла очень странная вещь. Не комиссия делала этот доклад, а г-н Камбеседес, один из корифеев буржуазной радикальной партии, государственный деятель, не член Интернационала, и который в то время исполнял должность высшего инспектора всех женевских школ (если я не ошибаюсь). Разумеется, доклад его был составлен в сильно буржуазном духе. Он сохранял деление школ на две категории, для двух различных классов, под очень трогательным предлогом, что буржуа никогда не согласится посылать своих детей в школы, посещаемые детьми простонародья. Все остальное было в том же духе, так что наш друг Фриц Генг, член этой комиссии, который взялся прочитать этот доклад, не ознакомившись раньше с ним, остановился посередине чтения и наивно заявил, что доклад никуда не годится и не соответствует духу Интернационала.

Как случилось, что комиссия Интернационала приняла работу женевского буржуа-радикала? Это секрет, который Фабрика и г-н Кроссэ, союзник вожаков фабричных рабочих и член комиссии, одни могли бы объяснить.

Когда было объявлено о назначении Гросселена третьим делегатом от имени строительных рабочих {Противоречие, существующее между словами Бакунина, который говорит, что Гросселен и его два коллеги были делегатами от строительных рабочих и фактом, засвидетельствованным Egalite. что эти три делегата были избраны "всеми женевскими секциями французского языка" (в Женеве были также немецкие секции, которые были представлены на Базельском с'езде Беккерем), разрешается следующим образом: общее собрание действительно решило, что все секции французского языка приглашаются принять участие в выборах трех коллективных делегатов; семь секций фабрики, уже назначившие своего отдельного делегата, воздержались; в голосовании 21-го 22-го и 23-го августа участвовали одни только секции строительных рабочих и несколько промежуточных секций (портные, сапожники, типографы), так что фактически, если это объяснение верно, как я полагаю,- Гросселен, часовщик, оказался выбранным строительными рабочими.}, эти последние заявили единогласно, что он может быть их представителем на Базельском с'езде только в том случае, если обещает голосовать на нем за организацию коллективной собственности и за уничтожение наследственного права.

Это доставило его в курьезное положение. Он был главным сторонником предложения вычеркнуть из программы с'езда эти два вопроса, как утопические, несвоевременные и гибельные предложения, вызвавшего раскол, а теперь он должен был взять на себя обязательство голосовать в утвердительном смысле по обоим этим вопросам на Базельском с'езде!

На последнем общем собрании, имевшем место перед с'ездом, он пытался выйти из этого смешного положения странным образом: он поставил вопрос на личную почву, взывал к личным чувствам: "Я вас люблю и вы меня любите, вы знаете, что я всегда был вашим другом; почему же вы не доверяете мне и принуждаете меня теперь принять условия, которые мое достоинство и совесть не позволяют мне принять?" нам нетрудно было ответить ему, что речь здесь вовсе не шла о личных симпатиях или недоверии, что его очень любили и уважали, но что не могли ему принести в жертву коллективное право и принципы. Так как общее собрание почти единогласно высказалось за коллективную собственность и уничтожение наследственного права, то он должен был ответить категорически на вопрос: хотел ли он и мог ли голосовать по совести за то и другое

По нашему, предложению собрание решило опять, что это голосование было обязательно для всех его делегатов в силу данного им императивного мандата.

Тогда Гросселен был вынужден публично снять с себя делегатские полномочия. Но случилось вот что: накануне или в день от'езда делегатов в Базель Центральный (кантональный) Комитет устроил заседание и, присвоил себе право, которого он не имел, ибо по статутам романской федерации, все его действия были подчинены решениям общего собрания и в данном случае он имел тем меньшее право, что речь шла о делегате не всех секций Интернационала, а только о делегатах секций строительных рабочих, которые посылали его на свои средства,— Центральный (кантональный) Комитет, говорю я, состоящий в этот раз почти исключительно из членов секции Фабрики, которые явились все на это заседание, тогда как большинство представителей других секций отсутствовали, решил, что Гросселен не должен обращать внимание на то, что произошло, и должен был отправиться в Базель, в качестве делегата от секций строительных рабочих, освобожденного от императивного мандата, данного ему этими последними.

И он действительно отправился туда и, неразлучный товарищ г-на Перрэ, делегата от Фабрики, он голосовал по всем вопросам вместе с ним. {На Базельском с'езде административный доклад женевских секций представил Гросселен. Закончив чтение доклада, он прибавил личное замечание, относительно своего мандата: "Он заканчивает,- сказано в протоколах с'езда,— говоря, что Центральный Комитет предоставил ему полную свободу в решении вопросов о собственности и наследстве, с коллегами уж его было наоборот". Но Броссэ выступил сейчас же с протестом: он заявил, что Гросселен получил, так же как Генг и как он сам, императивный мандат голосовать за коллективную собственность и упразднение наследственного права, что семнадцать секций дали им такой мандат. Очевидно, те, которые принимали участие в выборах делегатов 21-го, 22-го и 23-го августа. Если к этим семнадцати секциям прибавить семь секций Фабрики, которые делегировали Анри Перрэ, то получится всего двадцати четыре секции. Нужно заметить, однако, что общество рабочих по изготовлению музыкальных инструментов не входило в "группы женевских секций и романской Федерации". (Доклад Анри Перрэ). Дж. Г.}

Здесь собственно кончается мой исторический рассказ. Понятно теперь, какую ненависть должны питать против нас, Перрона, {Я забыл сказать, что в этот раз Перрон не отсутствовал и энергично поддерживал нас на общих собраниях; он был красноречив, логичен, увлекателен и много способствовал нашему торжеству. (Примечание Бакунина).}

Броссэ, Робена и меня, все главные вожди Фабрики и большинство их рабочих, которых им удалось настроить против нас всякими гнусными клеветами. В то время, когда мы были на Базельском с'езде, они устроили даже против нас ловкую проделку в Женеве. Они созвали чрезвычайное собрание комитетов и на этом собрании всех нас троих, Перрона, Броссэ и Бакунина, предали суду, потребовав сначала ни больше ни меньше как нашего немедленного исключения, потом, немного смягчившись, помирились на том, чтобы нам было вынесено формальное порицание, заявив, что, если им не будет дано это удовлетворение, то все секции фабрики выйдут из Интернационала. Предложение было отвергнуто, и секции Фабрики не вышли из Интернационала.

— — —

С этого времени я совершенно не вмешивался в дела Интернационала. Так как я должен был по своим делам поехать в Локарно, то я даже снял с себя обязанности редактора газеты *Egalité*. По возвращении из Базеля, я оставался еще три-четыре недели в Женеве, {Бакунин оставался в Женеве с 13 или 14 сентября до 30 октября.} но я почти не ходил или очень редко ходил, на заседания Интернационала и выступал только один раз, накануне своего от'езда. {На общем собрании 27 октября.}

Что касается секции Альянса, то по возвращении из Базеля в Женеву, я участвовал только на одном ее совещании, на котором обсуждалось требование Федеральному Комитету о принятии секции в романскую Федерацию. {*}

{* 6 августа (протокол комитета секции Альянса) было решено, "после долгих прений по вопросу о нашем вступлении в кантональную федерацию, что если мы не будем приняты, мы обратимся с требованием в Федеральный (кантональный) Комитет". Так как центральный (или кантональный) Комитет отклонил, 16 августа, наше требование о принятии нас в кантональную федерацию, то нам оставалось только привести в исполнение решение 6 августа, что и было сделано на заседании комитета Альянса 28 августа: "Обсуждается вопрос, говорится в протоколе, о принятии нас в романскую Федерацию; все присутствующие члены согласны, что федеральный Комитет не имеет права отказать нам, так как наши программа и устав вполне соответствовали общим статутам". В федеральный Комитет было послано составленное Бакуниным в последних числах августа письмо, но только после Базельского с'езда; федеральный Комитет должен был высказаться по поводу этого письма на заседании в среду 22 сентября. На заседании комитета Альянса в пятницу 17 сентября, присутствующие спрашивают себя, что то произойдет? Так как поведение Гета стало явно враждебным, то Бакунин говорит, что его надо вычеркнуть из числа членов Альянса; но Дюваль предлагает подождать заседания федерального Комитета в среду 22 числа, чтобы посмотреть, каково будет его поведение. Дюваль спрашивает, кроме того, "что мы должны будем сделать, если федеральный Комитет ответит нам отказом; после прений по этому вопросу, решается, что в этом случае мы обратимся ко всем романским секциям с циркуляром". Макс Нетлау нашел и напечатал в Биографии Бакунина составленный последним проэкт письма Комитета Секции Альянса в романский федеральный Комитет. Нельзя с уверенностью сказать, тождественен ли этот проэкт с письмом, которое было в действительности послано, но мне кажется это вероятным. Вот этот проэкт:

"Международное Товарищество.
"В Федеральный Комитет романской Швейцарии".

"Комитет Секции Альянса Социальной Демократии.

"Граждане!

"Вы знаете все недоразумения, какие вызвало создание Секции Альянса социальной Демократии".

"Мы вступили по этому поводу в переписку с Лондонским Генеральным Советом, который, просмотрев нашу программу и наш устав, объявил их согласными с общими статутами, вследствие чего он единогласно признал нас, как регулярную секцию Международного Товарищества Рабочих.

"В качестве таковой, мы просили кантональный комитет принять нас в федерацию женеvских секций. Решением, принятым 16-го сего месяца, под разными благовидными предложениями, которые все противоречат столь свободолюбивым и широким принципам Международного Товарищества, Кантональный Комитет нам отказал.

"Мы обращаемся к вам с протестом против этого решения и мы убеждены, граждане, что, более проникнутые, чем Кантональный Комитет, этими великими принципами, которые должны освободить весь мир, вы признаете наше неоспоримое право войти в Федерацию секций романской Швейцарии.

"Имеем честь представить вам наши статуты. Мы убеждены, что просмотрев их, вы признаете, что, вполне согласные как с общими статутами, так и с статутами романской Швейцарии, они доказывают серьезное желание нашей секции содействовать всеми силами достижению великой цели Интернационала, окончательному и полному освобождению рабочего класса. От имени Секции Альянса Социальной Демократии.

Председатель, Бакунин.

Секретарь, Генг."}

Это требование было представлено 22 сентября 1869 г. Фрицем Генг, который был в одно и то же время секретарем секции Альянса и членом федерального Комитета, так же как и Дюваль, который, тогда еще верный Альянсу, поддержал предложение.

Федеральный Комитет не ответил нам отказом, но он отложил свое решение до более благоприятного момента, т. е. отложил его в дальний ящик.

Это решение было немедленно доложено на пленуме Секции Альянса {Первое собрание Секции Альянса, которое последовало за собранием федерального Комитета состоялось в понедельник 27 сентября; Бакунин председательствовал; было сообщено о решении федерального Комитета отложить ответ; Секция Альянса, Комитет которой 17 сентября решил, что в случае отказа федерального Комитета, будет разослан циркуляр всем

романским секциям, решила пока ничего не предпринимать и подождать романского с'езда, который должен был состояться в апреле 1871 г. Дж. Г.} Дювалем и Генгом, которые дали нам довольно интересные подробности относительно того, как было принято это решение. Федеральный Комитет состоял из семи членов, которыми были тогда: Гета, председатель; Анри Перрэ, секретарь-корреспондент; его брат Наполеон Перрэ, секретарь для Швейцарии; Мартен, Шена, Дюваль и Генг. Когда последний пред'явил письмо Секции Альянса с требованием принять ее в романскую Федерацию, на всех лицах появилось выражение большой нерешимости, чтобы не сказать смущения. Все начали говорить, что они сами были членами Альянса, за исключением Мартена. Никто не сомневался в том, что секция Альянса была регулярной секцией Интернационала, что, впрочем, было бы невозможно при наличии двух писем Эккариуса и Юнга, написанных от имени Генерального Совета, и которые Генг представил им, и после того столь же решающего, и всем им известного факта, что Секция Альянса послала своего делегата в Базель, который был принят, как таковой, с'ездом. Обязанность Федерального Комитета принять Секцию Альянса в романскую Федерацию была, стало быть, очевидна? бросалась в глаза, как говорил тогда наш бывший друг Филипп Беккер. Но с другой стороны, Федеральный Комитет не мог совершить этот акт справедливости, не вызвав большого недовольствия всех вождей реакционной или женевской клики, которая поняла таки, что эта маленькая секция способствовала, однако, памяtnому фиаско, какое она потерпела в вопросе программы и посылки делегатов на с'езд. Как выйти из этой дилеммы?

Первым взял слово г-н Анри Перрэ, великий дипломат женевского Интернационала. Он начал с признания, что Альянс был регулярной секцией Интернационала и признан, в качестве таковой, как Генеральным Советом, так и Базельским с'ездом; что это была, кроме того, секция с очень хорошими задачами, очень полезная, раз он сам входил в нее (он думал это, но в действительности он не был больше членом Секции; {Он был вычеркнут из списка членов. Дж. Г.} что требование ее вполне законно, но что Федеральный Комитет, по его мнению, должен был отложить принятие ее до дальнейшего времени, когда улягутся страсти, поднятые только что происходившей борьбой, и т. д., и т. д. Что касается г-на Гета, то он заявил откровенно, что он принял бы Альянс, что касается его, если бы в этой секции не было лиц, которые ему не нравятся, Мартен открыто высказался против. Шена спал. Решено было отложить принятие на неопределенное время.

Секция Альянса, выслушав этот доклад, сделанный Генгом и сопровождавшийся комментариями Дюваля, решила апеллировать против этого решения, или скорее против этой нерешительности федерального Комитета к будущему с'езду секций романской Швейцарии.

В конце октября я оставил Женеву, куда вернулся только в конце марта 1870 г., и я просил, уезжая, своих друзей, Перрона и Робэна, заняться немного Альянсом. Они обещали.

Они не сдержали своего обещания; они не могли его сдержать, и я был неправ, просив их об этом, зная что тот и другой в сущности были против существования этой секции. Поэтому они сильно способствовали оба ее деморализации, дискредитированию ее среди друзей Юрской Федерации и подготовили ее крушение, так как их убеждения и характер брали естественно верх над данным ими мне формальным обещанием.

Их система, (это говорится только для близких друзей) была диаметрально противоположна системе Альянса. Альянс всегда предпочитал многочисленным общим собраниям маленькие собрания в двадцать, тридцать, самое большее в сорок человек, беря себе членов из всех секций и выбирая по возможности наиболее искренно преданных делу и принципам Интернационала. Он не довольствовался только развитием принципов, он старался развивать характеры, вызвать единение, солидарное действие и взаимное доверие людей серьезных, с твердой волей; он хотел, одним словом, создать пропагандистов, апостолов и, наконец, организаторов. Интригам женевской реакционной клики он хотел противопоставить революционную солидарность. Он не относился с пренебрежением к общим собраниям; наоборот, он считал их очень полезными, необходимыми в выдающихся случаях, когда нужно принять решительные меры, взять позицию с одного маху. Но даже для достижения этой цели, для того чтобы обеспечить себе эту победу, он полагал, что личная предварительная подготовка на маленьких собраниях абсолютно необходима, чтобы, через посредство этих подготовленных, сознательных личностей, сознание массы могло проникнуться истинным смыслом, значением и целью, скрывающимися в вопросах, предлагаемых на решение общих собраний. Альянс полагал, с большим основанием, что эта личная, столь необходимая, подготовка, что это создание выдержанных, прочных идей и убеждений невозможны на больших народных собраниях, на которых не может быть высказано многое очень важное и решительное и которые дают ораторам едва необходимое время, чтобы слегка коснуться главных вопросов. Наконец, на общих собраниях невозможно узнать лучших людей, личностей с твердым характером и волей, тех, кто в мастерских оказывает законное влияние на своих товарищей. Обыкновенно не эти выступают на собраниях; удерживаемые застенчивостью и каким то суеверным культом к ораторскому искусству, они скромно молчат и предоставляют говорить другим; так что, обыкновенно, с обеих сторон выступают одни и те же ораторы, повторяющие более или менее одними те же стереотипные речи. Все это прекрасно для словесного фейерверка, но не годится или, по крайней мере, недостаточно для торжества революционных принципов и для серьезной организации Интернационала.

Перрон и Робен, поклонники парламентаризма, несмотря ни на что, платонические поклонники гласности, воображали, наоборот, что нужно делать все открыто и перед огромной публикой: посредством газеты, на собраниях и на общих собраниях. Все, что могло делаться вне этой системы общей и абсолютной гласности, не на виду у всех, казалось им интригой; они не были очень далеки от того, чтобы обвинять Секцию Альянса, если не в интригах, как это делала любезная Фабрика, то, по меньшей мере, в мелочной фракционности и узкой односторонности. Я не знаю, не обвиняли ли они ее даже более или менее в интриге, что было до последней степени несправедливо и ложно.

Интриговали самым гнусным образом главари женевской клики, в особенности после их громкого поражения в конце августа. Они систематически распространяли, посредством своих агентов, которых они посылали на лесные дворы и в мастерские строительных рабочих, и посредством секционных комитетов, громадное большинство которых было им предано, самые гнусные клеветы против Броссэ, Бакунина, Перрона, Робена. Вся интрига Альянса, напротив, состояла в развитии, все более и более энергичном, принципов и революционной цели Интернационала и в раскрытии реакционных теорий и целей, а также подлых {Здесь Бакуниным пропущено одно слово в рукописи, вероятно, "действий" или

"клевет". Дж. Г.} женевской клики.

Пока велась упорно эта работа, Альянс, несмотря на свою малочисленность, представлял силу; он был силой, в особенности, благодаря действительной искренней дружбе, взаимному доверию, которые господствовали в его среде. Каждый чувствовал себя в своей семье." Перрон и Робен внесли в Альянс совершенно иной дух. Во всей наружности Робена есть что то нервное, задирчивое, что, вопреки его самым лучшим намерениям, действует разлагающим образом в рабочих группах. Перрон с неприветливой наружностью, пренебрежительным и в то же время застенчивым видом, с некоторой женевской сухостью, которая так мало соответствует его скрытой сердечности и теплоте, скорее отталкивает чем привлекает к себе,— он отталкивает в особенности от себя строительных рабочих, невежество и грубость которых, повидимому, вызывают в нем по меньшей мере пренебрежение к ним. {Это главным образом их вина, что Дюваль нас оставил; они находили оба, что Дюваль глуп, пустомеля и обращались с ним соответствующим образом. Они были неправы. Я знал тоже все слабости Дюваля, но пока я оставался там, он нам был вполне предан и часто очень полезен. Если бы я остался в Женеве, он никогда не оставил бы нас, ибо у меня был обычай никогда не пренебрегать ни одним из наших союзников и всегда поддерживать с ними связь. Я не довольствовался днями наших заседаний; я старался встречаться с ними каждый вечер в Клубе, стараясь всегда поддерживать в них их доброе расположение. Это иногда очень скучная работа, но необходимая; благодаря тому, что они не делали этой работы, Робен и Перрон оказались в день кризиса без поддержки, без друзей; и уход от нас Дюваля, очень влиятельного в секции столяров, причинил нам большой вред. (Примечание Бакунина).}

Первое, стало быть, что они оба внесли в Альянс, это неуверенность и холод. Они принесли с собой туда, кроме того осуждение, которое они носили уже в глубине своего сердца и мысли, против Альянса; так что под их скептическим и ледяным дыханием все живое пламя, все взаимное доверие и вера Альянса в себя заметно уменьшились, и в конце концов совершенно исчезли. Наконец, они убили секцию, предложив ей, в качестве секретаря, мальчика, едва умевшего мыслить и писать, маленького Сутерланда, после чего они оба перестали присутствовать на ее заседаниях.

Они были неправы, ибо Альянс был единственным местом, где они могли бы назначать свидания и встречаться с самыми влиятельными и наиболее преданными строительными рабочими, беседовать с ними свободно, раз'яснять им смысл и цель вопросов, которые дебатировались в Интернационале, и обеспечить себе этим путем помощь масс строительных рабочих. В Клубе это открытое раз'яснение было невозможно, ибо Фабрика ввела там систему шпионства, которая парализовала всякую свободную беседу. Вне Альянса оставалось, следовательно, единственное средство видаться с строительными рабочими: это идти к ним в мастерские; но помимо того, что это было слишком трудно и потребовало бы огромной траты времени, это было еще опасно в том отношении, что в мастерских можно было встретить агентов Фабрики и быть, больше чем когда либо, обвиненным в интригах. Робен и Перрон предпочли, стало быть, сложить все, что касалось лично пропаганды среди строительных рабочих, на Броссэ. Но Перрон, по крайней мере, должен был знать Броссэ. Несмотря на свои инстинкты, свой внешний вид и красноречие народного трибуна, это самый себялюбивый и тщеславный человек, самый непостоянный и недоверчивый в мире. Он

может стать, временно и при данных обстоятельствах, превосходным орудием, но невозможно на него положиться, когда требуется продолжительная и постоянная работа. Когда еще была жива его жена, дело шло ничего себе. Это была мужественная женщина, верный друг; она была его добрым гением вдохновителем. Но после смерти своей жены Броссэ потерял половину своей общественной ценности. (Все это для близких друзей, и я надеюсь, что те, кто прочтет эти строки — даже если прочтет их Перрон, которого я не имею больше чести считать среди своих друзей,— не будут рассказывать Броссэ).

Наконец, деятельность и личная пропаганда Робена и Перрона, носящихся исключительно с своей дорогой гласностью и пропагандой с барабанным боем и маленькими медальками, {См. прим. на стр. 132.} были ничтожны и по этому самому их публичная пропаганда как посредством газеты, так и на народных собраниях была осуждена заранее на полное фиаско. {В конце этой страницы Бакунин написал: "Конец завтра".}

Несчастливая кампания Перрона и Робена
Осень и зима 1869-1870 г.

(Для очень близких друзей)

Всякий фельтмейстер, пользующийся небольшой известностью, знает секрет какого нибудь смертельного удара, который он никому не откроет и при помощи которого он почти уверен положить на месте своего противника.

Я давно пришел к убеждению, что Перрон думает, что он обладает секретом такого удара, способного сразить реакционную интригу и сделать его хозяином политики в Интернационале. Уже в конце весны 1869 г. он говорил мне: "Предоставь мне исключительное, абсолютное руководство нашей пропагандой и нашей деятельностью в женевском Интернационале и я отвечаю за то, что через короткое время мы одержим победу над нашими противниками, мы будем хозяевами". На это я ответил ему, что я ничего не имею против, того чтобы послушаться его советов и даже последовать его тактике, тотчас же как только я смогу убедиться, что она хороша, но что для этого необходимо, чтобы он изложил мне сначала свой план действия, защиты и нападения, и чтобы он убедил меня, что план этот хорош. "Нет, ответил он, оставь меня одного действовать, не вмешивайся ни во что, только при этом условии я беру на себя ответственность за успех." Т. е. он требовал ни больше ни меньше, как абсолютной диктатуры для себя и слепого подчинения с моей стороны; больше чем слепого подчинения, моего полного устранения. Это было слишком, не правда ли? Слишком со стороны Перрона в особенности, который, хотя и одаренный достойными уважения качествами, не доказал еще ни одним актом, что он обладает способностью и волею, силою и ясностью ума, необходимыми, для того чтобы диктаторски вести какое бы то ни было серьезное дело; слишком по отношению ко мне, на которого он, однако, не имел права смотреть, как на первого встречного.

Я чувствовал тогда большую — большую дружбу к Перрону, и у меня было большое доверие к нему, доверие, которое в то время начинало уже, однако, пошатываться,— такими странными мне казались его неуверенность, капризы, его каждый день меняющиеся суждения, небрежность, забывчивость, временами экзальтированный под'ем, за которым

почти всегда следовали невероятный упадок духа и явное равнодушие ко всему. Очевидно, это не была натура человека постоянного в своих мыслях, твердого и настойчивого в своих действиях, это была скорее натура сентиментального человека, поэта. Он не обладал характером диктатора, и если он считал себя в тот момент способным выполнить эту роль, ясно было, что он ошибался на свой собственный счет.

Не сердясь, я ему мягко напомнил, что между нами не может быть речи о диктатуре, что наш закон, это коллективное действие. (Теперь, когда друзья юрцы меня знают немного, я обращаюсь к их суду. Нашли ли они во мне тень диктаторских стремлений? Горячо и глубоко убежденный, когда я нахожусь среди друзей, я им излагаю, и при случае горячо защищаю перед ними свои убеждения. Но хотел ли я когда нибудь навязать их, или, когда большинство решало иначе, не подчинялся ли я всегда его голосованию? Мои юрские друзья убедились, надеюсь, что во мне вера, скажу почти исключительная, фанатическая, в коллективную мысль, волю и действие очень серьезна.) На все мои увещания Перрон отвечал: "или ты мне дашь одному действовать, или я ничего не буду делать." Конечно, я не мог согласиться на такой договор; и, действительно, с той поры, за исключением нескольких очень редких случаев, в которых он оказал нам очень полезную поддержку, он почти ничего не делал.

Накануне моей поездки в Локарно он был сияющий; он был заметно доволен. Он мог, наконец, без всякой помехи с моей стороны, испробовать свой ловкий и смертельный удар. Он взял себе в товарищи, в советники, в помощники, как alter ego, Робена, с которым он, повидимому, был в больших ладах.

Я вышел из редакции газеты Egalite за два дня до поездки на Базельский с'езд. Я формально заявил о своем уходе в редакционный комитет, намереваясь поехать сейчас же после с'езда в Тессинский кантон, остановясь лишь на несколько дней в Женеве. Я пробыл в Женеве гораздо больше чем, я думал; но занятый всякими делами, я не вмешивался больше в редакцию газеты и не ходил на заседания женевского Интернационала.

По моем возвращении из Базеля, Перрон спросил меня: "хочешь что нибудь написать еще в газете? Если хочешь, то сделай это, чтобы закончить свой труд." Я ответил ему, что мне нечего было больше прибавить к идеям, которые я развивал в газете, и что я больше ничего не буду писать. "Хорошо, ответил он; ты выполнил свою миссию, теперь очередь за нами. Ты развил главные идеи, теперь нужно постараться, чтобы они вошли в сознание всех, заставить всех полюбить их, принять. Чтобы достигнуть этой цели, мы с Робеном решили переменить систему. Нужно теперь успокоить страсти. Для этого нужно понизить тон, говорить более примирительным языком и в газете и на собраниях Интернационала, заключить мир со всеми."

Я ответил ему, что не очень верю в этот мир, но, что, быть может, они правы и что во всяком случае, не особенно надеясь на это, я желаю им искренно обоим успеха.

Так как они хотели мира, а война была только с Фабрикой, ясно, что Перрон и Робен надеялись помириться с Фабрикой, не делая ей, однако, никаких уступок в области принципов, на что ни Перрон ни Робен не были способны. Знаменитый удар Перрона

заклучался, стало быть, в следующем: коллективную собственность, уничтожение государства и юридического права, столь горькие вещи для сознания буржуа, сделать такими милыми, сладкими, такими приятными на вкус, что Фабрика, несмотря на свою буржуазность с головы до ног, могла бы их проглотить и принять их, сама того не замечая.

Перрон и Робен вообразили, стало быть, что между Фабрикой и нами было только теоретическое разногласие, они не замечали, что, практически, нас разделяла пропасть. Они не принимали в расчет ни честолюбия, ни интересов главарей женевской клики, ни тесного союза, который уже установился между радикальной буржуазией и рабочими-буржуа Женевы, ни, наконец старой и сильной организации секций Фабрики, с их узким патриотизмом и женевским тщеславием.

Носящиеся с гласностью, как я уже говорил выше пренебрегая личной пропагандой, которая, быть может, противоречила их доктринерскому, слегка спесивому уму, как единственные средства они употребляли газеты и общие собрания, которые должны были устраиваться раз в неделю в Temple-Unique. Я забыл было медали и летучие листки. {Робен придумал медали для пропаганды, так называемые медали "Интернационала", которые, вычеканенные из алюминия, могли продаваться по ничтожной цене; он выпустил также маленькие прокламации, левая сторона которых была смазана клеем, так называемые "бабочки", предназначенные для того, чтобы их всюду расклеивать. Дж. Г.}

Вооруженные этим оружием, они открыли свою новую кампанию, которая началась при чрезвычайно благоприятных обстоятельствах, обещавших успех. Фабрика, счастливая тем, что избавилась от меня, им мило улыбалась. Обе стороны встретились на одной из братских пирушек. Броссе, Робен и Перрон были приглашены и приняты с почетом. Утин, еще невинный и любезный, не решивший еще какой партии он должен держаться, чтобы сделать благодаря ей свою карьеру, начинал проявлять себя. Гросселен пил за здоровье редакции Egalite заявляя, что эта газета стала теперь достойным органом Интернационала. Произошло об'яснение в любви. Утин, растроганный, произнес какую то речь. Перрон и Робен приняли его в качестве третьего лица, как в некотором роде драгоценного помощника как в газете, и на общих собраниях. Новый Мессия, вскарабкавшись на их плечи, торжественно вступил в новый женевский Иерусалим.

Однако, накануне и в самый день от'езда я умолял Перрона, и Робена остерегаться этого интригана еврейчика. Я знал его и знал, чего он хотел. Перрон мне ответил, что я "всегда занимался больше людьми, чем принципами." Я пожал плечами и замолчал. Не один я предупреждал их против Утина. Жук говорил мне, что он также не раз советовал Перрону не доверять этому господину, но Перрон также резко ответил ему, как и мне. Хотел бы я знать, что думает теперь об этом Перрон: кто из нас был прав, он или мы?

Общие собрания, на которые главным образом рассчитывали Перрон и Робен, обманули их ожидания. На них редко бывало больше пятидесяти человек, из которых, по крайней мере, половина были случайными посетителями, которые приходили не для собрания, а по привычке, в кружок для того чтобы выпить кружку пива, Что касается человек тридцати внимательных слушателей, то это всегда были одни и те же. На собраниях этих дебатировались всевозможные вопросы, более или менее исторические и отдаленные, за

исключением вопросов, которые действительно касались положения и организации Женевского Интернационала: это были деликатные вопросы, которые разбирались при закрытых дверях комитетов и Женевской олигархии. Другие вопросы мало интересовали аудиторию, так что число слушателей заметно уменьшалось. Впрочем, и собрания имели свою пользу: Утин, покровительствуемый Перроном и Робеном, научился там ораторскому искусству и готовил себе местечко в Интернационале.

Медали и летучие листки были бы очень полезны рядом с другими более действительными, более серьезными средствами. Но одни они оставались тем, чем были,— невинным занятием.

Оставалась газета. Первые номера были довольно невинны. Этого требовала осторожность. Нужно было переменить фронт так, чтобы это было незаметно. Но газета не могла оставаться долго в этом состоянии невинности или она должна была изменить своей миссии и превратиться в ничто. И вот, страшные вещи: коллективная собственность, уничтожение государства и юридического права, атеизм, социальная пропасть, разделяющая буржуазию от пролетариата, война, объявленная всякой буржуазной политике начали опять показываться в ней; и по мере того как они выплывали наружу, поднималась также буря, какую эти вопросы должны неизбежно и всегда вызывать в буржуазном сознании. Вери и Пайяр, два представителя реакции в редакции газеты, поддерживаемые Фабрикой, начали опять все настойчивее и громче свои красноречивые протесты; и так как Робен чрезвычайно нервный человек и мало терпеливый, то война снова началась,— и знаменитый удар оказался бессильным свалить врага.

Перрон во всей этой кампании очень плохо рассчитал. Он пренебрег пропагандой и организацией строительных рабочих и наметил себе главной целью обратить Фабрику, {Фабрика обнимала собой рабочих, занятых в производстве часов. Прим. перев.} точно Женевскую Фабрику было так легко обратить. Я не говорю, что ее совершенно нельзя обратить. Юрские рабочие также рабочие часовщики. Они зарабатывают столько же, сколько и Женевские рабочие, однако, это не помешало им со всей страстностью воспринять духом и сердцем все наши принципы. Правда, Юрские рабочие не были организованы с давних пор в духе узкого и тщеславного патриотизма, как Женевские рабочие. Все-таки я допускаю, что благодаря настойчивой личной пропаганде, можно было, и теперь можно, правда довольно медленно, переделать дух и чувства Женевской Фабрики. Для этого нужно было бы сначала разыскать во всех секциях Фабрики наиболее передовые умы и сердца, и, разыскав их, заняться специально их развитием, в духе наших принципов, связаться с ними, часто встречаться с ними и не оставлять их до тех пор, пока они действительно не стали бы разделять эти принципы. Но это медленная работа, трудная, требующая много настойчивости и терпения,— качества, которых, к сожалению, недостает Перрону, также как и Робену; так что можно сказать, что они ни на один шаг не подвинули социалистические и революционные убеждения Фабрики.

Они пренебрегли строительными рабочими и оставили их, и не завербовали фабричных рабочих, так что в то время как они воображали, что с ними весь Женевский Интернационал, строительная Секция и Фабрика, у них в действительности никого не было, даже Утина, их протеже и в некотором роде их приемного сына. Они воображали, что стоят на такой

твердой почве, что считали себя достаточно сильными для того, чтобы начать войну против Лондона. Помните этот знаменитый протест против линии поведения Генерального Совета, и против того, что он занимался исключительно английскими делами, протест составленный Робеном и Перроном, и посланный ими для подписи Юрской федерации, в Италию и Испанию? Он послан был мне тоже. Прочитав их имена и имя Гильома, я подписал его, чтобы не отделяться от своих друзей и не порывать солидарности, которая связывала меня с ними: но подписав его, я написал Гильому, что я о нем думал. По моему, это был с одной стороны, несправедливый протест и с другой — неполитичный и нелепый. Очень хорошо для нас, что этот протест, увы! подписанный испанцами и итальянцами, был похоронен. Ибо, если бы он увидел свет, то-то стали бы кричать против нас и обвинять нас в интригах! {*}

{* Я позволю себе для пояснения этого абзаца, привести здесь одно место из Интернационала (том I, стр. 269), где я говорил об инциденте, о котором упоминает здесь Бакунин:

"Когда Генеральный Совет послал различным комитетам, 16 января 1870 г., свое конфиденциальное Сообщение от 1-го января, Робен и Перрон, с своей стороны, в своем неуместном рвении предприняли один шаг, еще более неразумный, чем все статьи в Egalite, (статьи, в которых Робен нападал на Генеральный Совет). Они составили, или скорее Робен составил, так как я думаю, что он один владел пером,— нечто в роде петиции Генеральному Совету, которую они дали подписать нескольким членам Интернационала, делегатам Базельского с'езда, чтобы послать потом в Лондон. Не помню, в каких выражениях она была составлена. Все, что я могу сказать, это то, что они передали мне ее прося меня подписать. Я имел слабость дать свою подпись. Затем они послали эту петицию также другим, между прочим, Сентиньону в Барселоне и Бакунину в Локарно. Бакунин и Сентиньон подписали и последний послал затем этот документ Варлену в Париж. Мы читали по этому поводу следующее в обвинительном акте против тридцати восьми членов Интернационала, обвиняемых в том, что они входили в тайное общество (заседание 22 июня 1870 г. 6-й камеры Исполнительного трибунала в (Париже): "Сентиньон из Барцелоны (Испания), один из делегатов Базельского с'езда, передает Варлену, 1-го февраля, документ, полученный им из Женевы, и который он просит, после того, как он будет подписан членами Интернационала в Париже, переслать Ришару, который доставит его в Женеву. Это петиция Генеральному Совету сделать более тесной связь с Сообществом, путем частых и регулярных сношений." (Третий процесс Интернационала в Париже, стр. 42). Посылая Варлену этот документ, Сентиньон писал ему: "следует ли еще заметить вам, следящему, без всякого сомнения за современным движением Франции, что самые серьезные события могут возникнуть со дня на день, и чрезвычайно печально, что Генеральный Совет давно не ведет деятельной переписки с теми, кто окажется во главе революционного движения?" Мне помнится, что Варлен заметил Робену,— как Бакунин заметил мне,— о неуместности предлагаемого шага: после этого замечания авторы петиции отказались послать ее в Лондон.

Из слов Бакунина ("Было очень хорошо для нас, что этот протест был похоронен...") видно, что он не знал в тот момент, что "петиция" была послана в Париж Сентиньоном, что письмо Сентиньона Вердену было прочитано во время процесса в июне 1870 г., потом напечатано в томе, изданном Ле-Шевалье и что, следовательно, Маркс мог знать о попытке Робена и

Другое доказательство ослепления, в каком Перрон и Робен находились по отношению к своему собственному положению, к своей реальной силе, это способ об'явления войны Вери. Небывалая вещь в Интернационале,— они выдвинули личный вопрос: "Он или мы; или он выйдет из редакции, или мы"!.. {Вот, как Робен рассказал сам (в оправдательной записке, составленной им в 1872 г.) об этом инциденте с Вери, результатом которого было то, что Egalite попало в руки Утина: "Война началась по поводу замечания, появившегося в газете относительно библиотеки, которая была закрыта три с половиной месяца, под предлогом ремонта, который в действительности не производился. Бедняга (Вери), озлобленный, благодаря ужасной болезни, которой он страдал, одновременно входивший в состав библиотечной комиссии и в совет редакции, явился в этот последний и начал нас оскорблять, так что мы должны были потребовать от него, чтобы он подал в отставку под угрозой, что иначе мы выйдем все. Он отказался, мы вышли." Семь членов редакционного комитета Egalite, из девяти заявили о своем уходе письмом от 3 января 1870 г. Романский федеральный комитет в восторге принял отставку и известил романские секции (циркуляр от 5 января 1870 г), что он "принял необходимые меры, чтобы помочь оставшимся членам редакции в их работе так, чтобы газета не переставала выходить до романского с'езда, который состоится в апреле месяце." Оставшиеся члены были Вери и Ф. Пайяр; федеральный комитет дал им в товарищи Утина и Ж.-Ф. Беккера; последний, накануне еще горячий друг Робена и Перрона, превратился на следующий же день в их отчаянного противника: он получил инструкции из Лондона. Все подробности этой печальной и в то же время смешной истории находятся в Интернационале. Дж. Г.} Они ошиблись в двух вещах. Во-первых, они думали, что если они выйдут из редакции, то никого не найдется, чтобы редактировать газету; они не приняли в расчет тщеславия Вери и интриг Утина. Вери, поддерживаемый глупым поведением Фабрики, был счастлив возможностью печатать свои длинные статьи, которые обыкновенно не принимались двумя первыми редакциями. А Утин, змееныш, отогретый на их груди, ждал только момента, когда он, вооруженный своим ужасным хвостовством, своим медным лбом и своей рентой в пятнадцать тысяч франков, может получить их наследство. С другой стороны, они вообразили, что огромное большинство женевского Интернационала было за них,— а не нашлось никого чтобы их поддержать. Так что когда, осуществив свою угрозу, они удалились, никто не удерживал их, никто не плакал. Наконец, последнее их фиаско был их план, комбинированный вместе с другом Джемсом для перенесения федерального Комитета и в особенности редакции газеты на Юру. Этот проэкт так хорошо держался в тайне, что на следующий же день он был разглашен в Женеве {Читая это место Бакунина можно подумать, что между Робеном, Перроном и мной, и еще другими друзьями был составлен план, который должен был держаться в секрете, но который был неловко разглашен, благодаря чьей то нескромности. В действительности не было никакой тайны в этом проэкте вырвать Egalite из рук Утина, который забрал редакцию мошенническим способом; мы об'явили публично, что будем требовать от с'езда романских секций решения перенести газету из Женевы. Вот, что мы читаем в Memoire de la Federation jurassienne, стр. 98: "О этого времени (января 1870 г.) обсуждалась в юрских секциях идея предложить романскому с'езду, который должен был состояться в апреле, перенести газету в другой город, чтобы удалить ее от вредного влияния реакционной среды. С'езд должен был также избрать новый романский федеральный Комитет; никто из нас задолго до этих событий не думал оставлять его два

года подряд в Женеве, так как было решено в принципе переводить его каждый год в различные города: весь вопрос был в том, какой город после Женевы окажется в наилучшем положении, чтобы стать в продолжение 1870-1871 г. местопребыванием федерального Комитета; и колебался между Локлем и Шо-де-Фоном. Эти вполне законные переговоры по поводу готовящихся предложений романскому съезду, из которых никто не думал делать тайну, были представлены позднее женевскими инакомыслящими, как заговор; они упрекали нас, как в преступлении, в том что мы смели думать о том чтобы перенести, как этого требовали статуты, газету и федеральный Комитет в другой город".— Бакунин, который находился в Локарно с ноября 1869 г., был очень неполно осведомлен о том, что происходило в Женеве и на Юре после его от'езда; и не подозревая этого, он повторяет здесь то, что говорили наши противники, клика из Temple-Unique. Дж. Г.}; и это было главной причиной бури, которая должна была разразиться позднее в Шо-де-Фоне. После чего Робен уехал в Париж {Вначале февраля 1870 г.}, а Перрон, знаменитый тактик со своим секретом ловкого удара и неудавшимся диктаторством, удалился, надувшись, в свой шатер.

Утин один наполнил пустоту, образовавшуюся в Женевском Интернационале после их одновременного ухода.

Необходимо теперь чтобы я сказал несколько слов о г-не Утине. Он слишком большая особа, чтобы можно было его обойти молчанием.

Утин, Маккавей и Ротшильд женевского Интернационала.

Сегодня вечером я хочу позабавиться. Я отложу до завтра продолжение моей второй статьи против Мадзини {24 августа Бакунин послал мне 79-98 страницы Доклада об Альянсе. На следующий день 25-го, дневник его показывает, что он научал писать "вторую статью против Мадзини", потом прервал вечером эту работу, чтобы приняться опять за составление Доклада. Мысль начертить портрет Утина приводит его в восторг, поэтому он и начинает этой фразой: "Сегодня вечером я хочу позабавиться." Дж. Г.} и постараюсь нарисовать портрет г. Николая Утина.

Сын очень богатого откупщика винной торговли,— самая гнусная и самая выгодная в России,— Утин, нужно ли это говорить? еврей по рождению и, что хуже, русский еврей. У него его лицо, темперамент, характер, манеры, вся его нервная натура, одновременно нахальная и трусливая, тщеславная и торгашеская. Кроме двенадцати тысяч франков в год, которые ему в настоящее время дает отец, он унаследовал еще от него и его гнусной торговли,— в которой в детстве, до юношеского возраста он принимал деятельное участие — гении и традицию грязных сплетень, коварства, интриги. У него медный лоб; ему ничего не стоит солгать. Он глубоко лжив и, когда ему нужен ктонибудь, для его тщеславия или алчности, он становится любезным, ласковым, льстивым; люди, не посвященные, сказали бы, что это лучший малый в мире. Нельзя сказать, чтобы он был дураком; напротив, вместе со страстью ко лжи, он обладает хитрым умом, всем плутовством эксплуататоров людских слабостей и глупости. Но он также глупец, влюбленный в себя. Вот его главная слабость, Ахиллесова пята, подводный риф, о который он всегда будет разбиваться. Он подышает от чрезмерного тщеславия, которое в конце концов всегда выдает всем его истинную натуру. Его умственные способности очень небольшие. Я встречал мало людей, ум которых был бы

столь бесплоден, как его. Очень усидчивый, он читает всевозможные книги, но не понял ни одной из них. Он в действительности неспособен понять идею. Благодаря упорной работе, он удержал в памяти массу фактов; но эти факты ему ничего не говорят, они его давят и только еще больше выдвигают наружу его глупость, ибо он приводит их вкривь и вкось и по большей части выводит из них нелепые следствия. Но если он не в состоянии понять истинный смысл идеи, он изощряется в фразеологии. Он живет, дышет фразой, тонет в ней. И главная цель, последнее слово этой фразы, это он. Он находится в вечном самопоклонении. Все его идеи и убеждения, которые он меняет в зависимости от потребности момента, только пьедестал, служащий для того чтобы приподнять его маленькую особу.

Спрашивается, каким образом такой ничтожный человек мог подняться до роли диктатора, какую он играет теперь в женеvском Интернационале? Этот вопрос разрешается очень просто. Во первых и прежде всего, среди общей бедноты он является счастливым владельцем годовой ренты в двенадцать или пятнадцать тысяч франков; прибавьте к этому страшное тщеславие и честолюбие, медный лоб, отсутствие добросовестности, абсолютное равнодушие ко всем принципам и удивительное интриганство. Это настоящая натура демагога, за вычетом храбрости и ума.

Благодаря могуществу своего отца, он мог обойтись без гимназических экзаменов и в 1860—1863 г.г. был студентом петербургского университета. Это была эпоха крупного политического и социалистического брожения в России. В петербургском, московском, казанском университетах происходили сильные беспорядки. Эти волнения молодежи имели серьезную основу, но в них много было также шумного задора. Они были серьезны, поскольку оказывали поддержку народному движению, в особенности движению крестьян, которые были в таком возбуждении на всем протяжении империи, что все в России, даже официальные круги думали, что была близка революция.

Движение молодежи казанского университета имело положительную связь с крестьянским движением. Что касается студентов московского университета и в особенности петербургского, они поднимали шум, как артисты, для забавы и чтобы удовлетворить своему дешевому тщеславию. В то время была мода на заговоры, и заговоры устраивались безопасно. Правительство, ошеломленное, не мешало; и молодежь открыто составляла заговоры, громко крича о своих революционных планах.

Можно себе представить, как прекрасно себя чувствовал г. Утин. Он катался, как сыр в масле. Это было его царство, царство фразы и дешевого героизма. Он называет себя учеником, другом Чернышевского. Я ничего не могу сказать положительного в этом отношении, ибо кроме самого Утина, никто никогда не мог мне ничего сказать о характере могущих существовать между ним и Чернышевским отношений. Но я уверен, что он лжет. Чернышевский был слишком умен, слишком серьезен, слишком искренен для того, чтобы он мог переносить такого деланно экзальтированного, бесстыдного фразера и влюбленного в себя мальчишку, как Утин. Вероятно, с его отношениями с Чернышевским дело обстоит так же, как с его якобы дружескими отношениями с Серно-Соловьевичем. Вы читали или слышали о его речи, произнесенной на открытии памятника на могиле Серно? {Открытие памятника имело место 26 декабря 1869 г., на кладбище Plainpalais (в Женеве). В Egalite был дан отчет об этом, в номере от 1 января 1870 г.} В этой речи Утин говорил о своей дружбе с

последним, о их взаимной симпатии, говорил, что Серно поощрял его русскую пропаганду. На самом деле, Серно относился с глубоким отвращением к Утину; он говорил о нем всегда с презрением. "Если ктонибудь заставил меня относиться с омерзением к слову революция, сказал он мне как то, так это Утин". По всей вероятности, так же было и с Чернышевским.

Утин эмигрировал в 1863 г., летом. Начались преследования, а Утин не был человеком, который стал бы подвергать себя опасности. Он любил ее только в воображении и издали. Я встретил его в Лондоне в обществе Огарева, по своем возвращении из Стокгольма. Он мне совсем не понравился. Он мне показался, очень тщеславным, большим фразером и все.

С тех пор я его не видал больше в продолжение четырех лет, что я провел в Италии. Я встретил его снова в 1867 г., в Женеве, куда я приехал, чтобы принять участие на с'езде Мира. Я обратил на него так мало внимания в Лондоне, что когда он представился мне, я его не узнал. Но с тех пор он не отходил от меня. На этом с'езде я приобрел некоторую популярность: этого было достаточно для Утина, чтобы он захотел во что бы то ни стало сделаться моим другом. Он мне тогда еще больше не понравился, чем в Лондоне. Он ненавидел Герцена, который, вопреки тому, что думал Маркс, никогда не был моим другом, {Бакунин хочет сказать, что Герцен никогда не был его "политическим" другом, участвовавшим вместе с ним в революционной деятельности. Дж. Г.} и Утин не раз повторял мне; "Я говорю всем, кто спрашивает мое мнение: Я сторонник Бакунина, не Герцена". И, действительно, многие мои французские друзья Рэй, Эли Реклю, Наке и другие меня спрашивали: "Кто этот маленький господинчик, который твердит нам постоянно, что он ваш сторонник, а не Герцена?"

После этого я опять потерял его из виду. Но с января до октября 1868 г. я имел счастье видеть его каждый день и мог изучать его. Мы образовали около Веве нечто в роде маленькой русской колонии: были Жуковский с женой, г-жа Левашова, сестра Жуковской, княжна Оболенская, Мрук {Польский майор Валерьян Мрочковский, известный позднее под именем Острога.}, Загорский. Затем прибавились Утин с женой.

Восемь-девять месяцев, проведенных, вместе больше чем достаточно, чтобы изучить досконально этого господина. Результатом этого взаимного знакомства было, с моей стороны, глубокое отвращение, а с его неутолимая ненависть.

Жук в то время предложил мне основать русскую газету. Муж г-жи Левашовой дал для этой цели тысячу рублей Жуку. Но г-жа Левашева, которая возгорела безумной страстью к Утину, хотела непременно, чтобы последний принял участие в редакции газеты. Между нами и Утиным было абсолютное несходство,— не идей, ибо собственно Утин никогда не имел никаких идей и говорил, что мы должны принять принципы, какие русская молодежь найдет нужным в нас влить,— было абсолютное несходство характеров, темпераментов, целей. Мы хотели само дело, Утин заботился только о себе. Я долго противился всякому союзу с Утиным. Наконец, я устал и уступил; и после короткого опыта, так как деньги были собственно г-жи Левашовой, я оставил Утину газету вместе с ее названием {Газета называлось Народное Дело. Бакунин сотрудничал только в первом номере, вышедшем 1 сентября 1868 г. Дж. Г.}.— Я никогда не кончил бы, если бы принялся рассказывать все жалкие и гнусные интриги Утина.

Прежде чем вступить в Международное Товарищество, я был интернационалистом. Утин, наоборот, выдавал себя за патриота, националиста говоря, что интернационализм — измена по отношению к отечеству. На этом основании он не хотел ехать на Бернский съезд. Однако, он поехал на этот съезд и играл там самую смешную роль.

Когда, решив выйти из Лиги Мира и Свободы, мы собрались, мои друзья и я, чтобы держать совет, какую нам вести линию поведения, Утин, не приглашенный, явился к нам. Я попросил его удалиться, сказав, что мы хотели остаться одни. Можете представить его бешенство! В этот вечер мы основали Альянс, и вы понимаете, что Утин должен был сделаться отъявленным врагом Альянса.

После Бернского съезда я перебрался в Женеву, и с октября 1868 г. до сентября 1869 г. я встретил его случайно раза три или четыре. Летом 1869 г. в двух русских воззваниях, одном, подписанным моим именем, переведенным на французский язык и напечатанном в газете *Liberte* {Несколько слов моим молодым братьям в России. Напечатано во французском переводе в Женеве (в форме брошюры, в мае 1869 г.) и затем в Брюссельской Газете *Liberte* от 5 сентября 1869 г. Дж. Г.}, другом без подписи, я нападал на идеи или, скорее, на смешные фразы его русской газеты, что конечно, не увеличило его дружбу ко мне. Я уверен, что он никого и никогда ненавидел больше, чем меня.

Это не помешало ему, когда мы встретились на Базельском съезде, куда он явился, окруженный своей женской свитой, играть роль публики, назвать себя публично еще раз моим другом. Он видел, что я был довольно влиятельным и это ему, без сомнения, импонировало. Он принял участие в банкете, имевшем место после съезда, и произнес обычную речь о женщинах, вообще, и о русских женщинах в частности. И нужно сказать, он должен им поставить большую свечу. Этот еврейчик имеет особенную привлекательность для этих дам, они липнут к нему, как мухи к куску сахара, и он вертится среди них, и распевает победоносно как петух в своем курятнике. Они преклоняются перед ним, восторгаются его горячей самоотверженностью, его еврейским героизмом и его фразами. И нужно ему отдать справедливость, он умеет извлекать пользу из этих дам. Он превратил их всех в пропагандисток и интриганток для себя. Они воспевают всюду его добродетели и, бесстыдные как и он, клеветают на всех, кто осмеливается ему не понравиться. Я, разумеется, стал им ненавистен. На Базельском съезде эти дамы, управляемые великим стратегом, разделили между собою роли. В особенности английские делегаты, которые показались им, вероятно, наиболее глупыми и которые в глазах Утина имели заслугу быть более или менее друзьями Маркса и в то же время членами Генерального Совета, сделались специально предметом предупредительности и кокетства этих дам.

Итак, в этой речи, произнесенной во хвалу ... "нашим сестрам", Утин, говоря обо мне, употребил следующее выражение: "Г. Бакунин, мой соотечественник и друг"; после чего он подбежал ко мне и сказал: "Вы не сердитесь на меня, не правда ли, что я назвал вас своим другом?" — "Нисколько", ответил я. После чего мы разошлись и встретились в Женеве раза два-три. Накануне своего отъезда, прийдя проститься в Интернационал, я имел случай лишь возразить ему на несколько глупостей, высказанных им с трибуны {На общем собрании 27 октября 1869 г., отчет о котором имеется в *Egalite* от 30 октября, Утин произнес длинную похвалу трэд-унионам, которые он предлагал, как "модели солидарности и хорошей

организации сопротивления". Бакунин заметил, что "трэд-унионы имели гораздо менее радикальную цель, чем Интернационал, так как они стремились только улучшить положение рабочего в существующей среде, а Интернационал преследовал полное социальное преобразование, уничтожение власти хозяина и наемного труда". Дж. Г.}. С тех пор мы больше никогда не встречались.

Утин приехал в Женеву с двумя определенными целями, одной внушенной ему свирепой ненавистью ко мне, другой — его тщеславным честолюбием: уничтожить меня и сделаться великим мужем женевского Интернационала. Благодаря ловкости, умелой тактики и энергичной деятельности его друзей, он мог осуществить ту и другую.

В то время как наши два друга Перрон и Робен, носившиеся со своими стратегическими планами, считавшимися ими непреложными, духовно уверенные в своем торжестве, которое казалось им неизбежным, как настоящие отвлеченные теоретики, какими они были оба, шли по начертанному ими себе пути, ничего не видя и не стараясь даже наблюдать за тем, что происходило вокруг них, Утин, как практический человек, начал свою двойную интригу.

Первое, что он, разумеется, сделал, это распространил против меня в женевском Интернационале самые гнусные клеветы. По моем возвращении в Женеву человек двадцать по крайней мере, среди которых приведу Броссэ, Линдеггера, Дегранжа, Дешусса, Пинье, Сутерланда, Жука, самого Перрона, одного сапожника, и многие другие еще, имена которых я забыл, передали мне ужасные вещи, торые он распространял обо мне: я жулик, интриган, мерзкий человек и нечестный в своих личных отношениях и т. д. Эта ненависть и это упорство в распространении клевет против меня были главным пунктом сближения между ним и главарями Фабрики. Их соединенные усилия увенчались полным успехом. Когда я оставил Женеву в октябре 1869 г., все строительные рабочие, за очень небольшим исключением нескольких человек из комитетов особенно завербованных женевской кликой и голосовавших вместе с ней — были такими большими друзьями моими, что пришли сказать мне прощаясь со мной: "эти господа из Фабрики думают оскорбить нас, называя бакунистами; но мы им ответили, что мы предпочитаем, чтобы нас называли бакунистами, чем реакционерами." Но когда я возвратился в Женеву в конце марта 1870 г., я нашел их, если не всех враждебными по отношению ко мне, то по крайней мере всех предубежденно настроенными и недоверчивыми; я никоим образом не мог способствовать этой перемене, их по отношению ко мне, потому что в продолжение пяти месяцев своего отсутствия я не вел ни малейшей деятельности и не имел даже никаких сношений, ни прямых ни даже косвенных, с женевским Интернационалом. Эта перемена очевидно, следовательно, была работа моих врагов.

А что сделали мои друзья чтобы защитить меня? ничего. Они не знали о гнусных клеветах, распространяемых против меня? Они не могли не знать о них, так как их повторяли в их присутствии. Но они боялись себя скомпрометировать; без сомнения, и скомпрометировать свой знаменитый стратегический план, защищая меня против несправедливых, смешных и гнусных нападок. Я не ручаюсь даже за то, что Перрон не испытывал некоторого удовольствия, видя меня опозоренным. Я его раздражал и, не желая сознаться в этом себе самому, он ненавидел уже меня, как упрек, большей частью немой, но тем не менее чувствительный для него, его. фантазиям и слабостям. Без сомнения, он не особенно

хорошо сам сознавал это,— мы не любили сознаваться себе в подобных чувствах,— но он извинял свое невмешательство и свой нейтралитет в этом случае принципом, который я часто слышал в его устах и который всегда считал глубоко ложным: "Что не нужно заниматься личностями, а только принципами". Что касается меня, который никогда не мог понять, чтобы принципы могли действовать без вмешательства людей им преданных и объединившихся во имя их, я всегда придавал большое значение людям, пока они остаются верными принципам и как по инстинкту так и по сознательному убеждению, я всегда практиковал эту такую естественную и такую простую заповедь, быть другом друзей и врагом врагов моих союзников и друзей, которым я остаюсь верным до смерти или до тех пор, пока они не изменили сами договору солидарности. Правда, Перрон делает одно исключение своему правилу абсолютного равнодушия к вопросам личностей. Он остается спокойным, когда нападают на его друзей, но становится свирепым, когда нападают на него самого. Вот Жук, например, другое дело: он прощает оскорбления даже личные. Он оставался восторженным поклонником г-жи Левашовой, нимфы Эгерии Нумы — Утина.—Однако, она не щадила для него ни оскорблений ни презрения.

Одним словом, ни Робен ни Перрон ничего не сделали для моей защиты против клевет Утина. Больше того: зная, что он клеветал на меня, который еще считался их союзником, их другом, они взяли его третьим в свою газету и в свою пропаганду; Робен, оставляя Женеву, передал ему все бумаги, касающиеся этой последней.

Утин оставался им верным в продолжение некоторого времени. Они оба представляли революцию против реакции, и он, который всегда выдавал себя за крайнего революционера, не мог прилично сразу перейти на сторону реакции. В начале борьбы Перрона и Робена против Вери, он увлекся до такой степени, что назвал публично шпионом этого бедного Вери на собрании Центральной Секции. Но когда наши два друга пустили в ход этот знаменитый удар, который, по их расчетам, должен был быть смертельным для их противников; когда газета, покинутая ими, осталась без редакции; когда благодаря интриге подготовленной задолго Беккером и Утиным, Фабрика сама предложила этому последнему взять на себя редакцию газеты, Утин счел момент благоприятным чтобы открыто заявить себя союзником Фабрики. И бедный Перрен, со всей своей искусной стратегией и со своим знаменитым смертельным ударом, остался с носом.

Таким образом открылось царство Утина.

ТРИУМВИРАТ

Утина, Беккера и Анри Перре.

Мы знаем теперь Утина. Теперь надо выяснить себе характер двух других членов этого триумвирата.

Анри Перре.

Этот портрет нетрудно нарисовать. Это Талейран в миниатюре реакционной партии женевского Интернационала. Очень нечистоплотный в своей личной жизни, презренный и презираемый своими согражданами, он держится в их среде благодаря своей замечательной эластичности и безграничной угодливости. Как и у Утина, у него нет никаких

идей, никаких убеждений, которые бы были его и были бы священны для него; он соображается всегда с духом людей, среди которых он находится, голосует всегда вместе с большинством и преследует только одну цель, держать поверх воды свою маленькую барку. С нами он был коллективистом, анархистом и атеистом. Когда Фабрика поднялась против нас, видя, что нельзя быть и здесь и там, он повернул против нас. Его вечное стремление, это оставаться всегда генеральным секретарем с тысячью восемьюстами или, по крайней мере, тысячью двумястами франков жалованья и быть во главе дирекции и финансовой администрации газеты. К несчастью для него, он сумел приобрести и сохранить за собой титулы, но не деньги. По крайней мере, до сего времени {Эти странички рукописи (99-111) были мне присланы 27 августа; на обратной стороне последней Бакунин написал: "Прочти конец моего доклада об Альянсе, стр. 99-111. — Мне очень мало что остается прибавить: портрет Филиппа Беккера, их триумвираторские подвиги в продолжение зимы 1869—1870 г. до с'езда в Шо-де-Фонде. Все остальное вам также хорошо известно, как и мне самому." Дж. Г.}. Впрочем, тщеславный хвастун и болтливый, как сорока, лживый всем улыбающийся и всем изменяющий, он был естественным союзником Утина, говорливость которого, интриганство, медный лоб, бесстыдной лживости и в особенности пятнадцать тысяч ренты должны были производить на него сильное впечатление.

Филипп Беккер.

Этот портрет гораздо труднее нарисовать, ибо рядом с дурными чертами, жалкими, презренными он имеет бесспорно почтенные черты. Начнем с последних.

(На этом обрывается рукопись.)

Бакунин оставил у себя эту страницу (112), на которой он закончил портрет Анри Перре и написал первые три строки портрета Беккера. Но он не продолжал дальше.— Макс Нетлау нашел эту страницу в рукописях Бакунина и напечатал ее содержание в Биографии. Дж. Г.

Версия #6

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 6 июня 2025 13:37:47

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 6 июня 2025 14:03:12